

“МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ В ДАЛЁКИЕ КРАЯ...”

Комедия в двух действиях.

Действующие лица:

НИНА

МИША - всем троим по сорок с хвостиком.

ЗИНА

Зима, тридцатое декабря, двухкомнатная квартира на первом этаже.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первый этаж, двухкомнатная квартира в “Городке Чекистов”. “Городок Чекистов” - это там, где квартиры ещё до войны были построены и, естественно, построены были они для чекистов, которых тогда много было и надо было их куда-то селить. “Городок Чекистов” - это дома в самом центре, это высокие потолки, широкие окна и двери, простор, воздух. Но вот только кухонь в этих квартирах нету. Нету потому, что в тридцатые годы, тогда, давно, пролетариат (ну, так мыслилось, блазнилось, мнилось) не должен был бы дома питаться, а должен был бы строем организованно ходить в пролетарские же столовые. А сверху “Городок Чекистов” выглядит как “Серп и Молот”. Правда, это пока не проверено, не уточнено, а существует на уровне ОБС (Одна Баба Сказала). Не проверено потому, что до сих пор по бумагам “Городок Чекистов” военный (или какой-то там) секретный объект и потому ни один самолет или вертолет над “Городком” не летал и его не фотографировал. Кто его знает, может, и правда - “Серп и Молот”. А вот самих чекистов “с холодными руками и чистым умом” (или как там это говорилось?) в домах этих почти не осталось. Кто где. Разлетелись, разбежались, разъехались, поумирали. А квартиры эти (поскольку в центре они, как сказано) престижными стали, дорогими, и заселились в них другие “чекисты”. То есть, наши с вами, так сказать, современники и соотечественники. Им ничего, что кухни нету, они и в ванную прекрасенько плитку поставят и - вари борщи и каши, наяривай. Вот в этой двухкомнатной квартире так: электроплита стоит возле ванны. Рядом полочка с кастрюльками, ложками, чашками, банками. Над плитой висят женские нейлоновые колготки, под завязку луком забитые. Будто полчеловека на стенке висит. Лук пророс, торчит туда-сюда зелеными отростками. В прихожей двойные двери: деревянная дверь внутрь открывается, а железная - наружу. Ещё в прихожей дверь в туалет. Справа и слева от прихожей по комнате. Комнаты совершенно одинаковые по размерам, квадратные. В каждой комнате по окну, по люстре, по ковру. Правая комната одновременно и гостиная, и столовая: тут холодильник, телевизор, кресла, лампа тайваньская на ножке (вообще, кстати, насчёт Тайваня: “жёлтой сборки” в квартире всего разного навалом). А в левой комнате спальня: широченная с резными спинками (Китай) кровать, рядом тумбочка, магнитофон, лампа. В углу над кроватью большая клетка: в ней кто-то есть. В квартире всё путём, как говорится: богато и красивенько. Видно, что въехали сюда недавно: и побелка чересчур свежая, и краска блестит, а решётки на окнах не окрашены, ржавые прутья, да ещё и коробки разные по квартире то там, то сям стоят нераспакованные. Ну, а главное в квартире - зеркала: они везде, везде! Штук пятьдесят, наверное. Может, бзик у хозяев на зеркалах? По всем стенам зеркала, а в спальне - даже над кроватью, на потолке. Ещё в спальне стоит ёлка искусственная (Корея), на ней лампочки блестят. В коридоре на тумбочке телефон, рядом с телефоном маленький транзисторный приёмничек стоит, музыка из него играет. Утро. За

окном идет снег - негустой, пушинками, как и положено перед Новым годом. В коридоре друг против друга стоят НИНА и МИША. Нина в зелёном махровом халате (Вьетнам), руку одну Нина держит в кармане. А Миша в полупальто стареньком, синего цвета; у Миши в руках бумажки, он на них очками пялится. Миша маленький-маленький ростом. Его на табуретку поставь - он как раз с Нину будет.

МИША. На меня сто раз нападали: и собаки, и кошки есть специально обученные; да, что вы, и кошки: когтями вцепится - не оторвёшь; и птицы разные, народ держит, тоже науськанные: сядет на голову тебе и прям норовит в глаз щёлкнуть, выбить, выесть, а хозяин стоит, улыбается: мол, ничего страшного, моя гуля играет. *(Листает бумажки, муслит палец.)* Да, да. А ещё, знаете, ужей, ежей, змей держат. Даже возьмём ту же самую львицу, тигрицу - и её держат люди, дом от разных защищают. А я-то что? У меня задание, работа от энергонадзора, проверить: правильно ли народ платит за электроэнергию и всё, понимаете ли. Хорошо, если счётчики на лестничной площадке: пробежал с первого до пятого или десятого, бумаги сверил, заглянул, так сказать, в свои анналы, всё в порядке и - свободен, так? А вот тут, как у вас - в смысле, у нас: я ведь тоже в первом подъезде живу, старший по дому - ну так вот, а вот тут, как у нас, в старых квартирах, в “Городке Чекистов”, приходится людей тревожить, звонить, входить, смотреть - нет ли специальных устройств, чтобы счётчик мотал в эту сторону, а не в ту.

Черкает что-то на бумажке.

НИНА. *(Молчит.)* Змеи? Знаю.

МИША. Что?

НИНА. У нас собака. И тоже змея. Живут дружно прямо.

МИША. Да? *(Пауза.)* Во-во. Видите? А я вам рассказываю. Все воров боятся, ясный Павлик. Но я-то тут при чём? Меня вот все животные ненавидят. Может потому, что я такой, ну, невысокий, что ли. У соседки кот - я в коммуналке живу, - придёт, знаете ли, все обои порвёт мне, сожрёт или, виноват, нагадит, а соседка говорит: это ваше, это вы сами сделали, мой не может, он маленький, но как же я сам могу, когда это от кота, который меня по неизвестным причинам ненавидит?! *(Бормочет.)* Сорок восемь и сорок восемь - девяносто шесть. Меня били трижды. А за что? Я ведь за правду, за честность, за экономику и за государство воспитывался. Потому что, свобода, понимаете ли, равенство, так сказать, и братство, в общем-то, ведь так, да?

НИНА. *(Молчит.)* Непростой вы человек.

МИША. *(Листает квитанции.)* Сто сорок пять умножить на тридцать два - четыре тысячи пятьсот сорок...

НИНА. Вы в уме считаете?

МИША. В уме. Способностей всегда был, знаете ли, невероятных. И на олимпиады в школе, и на конкурсы, и в самодеятельности пел, и танцевал, и стихи, а вот так вышло, что “сороковник” разменял и тружусь вот - кем? Бегунком. Прикипел и всё тут. Вся жизнь наперекосяк из-за этого проклятого роста. Метр с кепкой всегда был. Меня ведь иногда в кино “детям до шестнадцати” не пускают, да. Мальчик, билетёрша говорит, покажи паспорт. Я и усы вот потому ношу, чтобы все видели - кто я. Триста двадцать и триста двадцать - шестьсот сорок.

НИНА. Непростой вы человек. А почему вы сегодня, в воскресенье, перед Новым Годом работаете?

МИША. И в воскресенье. Чтобы всех дома застать. *(Пауза. Смотрит на Нину.)* Я ведь старший по дому.

НИНА. Вы говорили.

МИША. Вот я и зашёл заодно познакомиться, кто здесь поселился узнать, правильно ли за электроэнергию рассчитываются и с претензией. Соседи пожаловались, что у вас вчера шумно было. Пьянка и крик. *(Пауза.)* Нехорошо.

НИНА. А это у нас вчера презентация была. Я змею купила и всем её показывала. Презентация. Понимаете?

МИША. Презентации на частных квартирах не положено. Должен заметить вам, что поступает на вас от соседей сигнал. Нехорошо. Ну, ладно, я предупредил и бегу дальше, до свиданца. *(Снимает очки, отдаёт Нине квитанции.)* Ремонт хорошо сделали. У меня такая же квартира, только коммуналка. Вот тут - я живу, а тут - соседка. Но у вас приятненько, чистенько, а у нас... *(Махнул рукой.)* Вы и ванную поставили себе, да? Вот люди живут. *(Вздыхнул.)* А у меня - душ, всю жизнь живу с душем, со змеевиком. Знаете, отчего я так рано полысел? Потому что мылся только в душе, струи водяные мне все корни волос выбили. Горе. Всё у вас в порядке в бумажках, до свиданца.

Повернулся к входной двери. В спальне (дверь туда плотно прикрыта) лает собака.

Собачка? Про эту вы рассказывали?

НИНА. Да нет, это так. А вы куда торопитесь?

МИША. То есть, как нет? Я же слышу - собачка. Мне ещё море оббежать надо.

НИНА. Нет, не собачка. А волкодав настоящий.

МИША. До свиданца.

НИНА. А счётчик-то?

МИША. А?

НИНА. Ну, счётчик-то в ванной там посмотрите? Он - там. Что ж вы не глянете? А вдруг там устройство, которое мотает назад? Или устройства, которые назад мотают?

МИША. Вот вы смеётесь, а есть, есть устройства, которые у людей назад колесико мотают и правда.

НИНА. Я не смеюсь. Посмотрите там, ну?

МИША. Да нет. Я же, знаете ли, с этой профессией физиономист стал. Сразу вижу, где какие люди и где какие собаки. Все у вас в порядке, до свиданца. *(Смотрит на Нину, улыбается.)* Вы мне так дверь открыли бесстрашно, когда я - нажал, не убоясь, не спросивши: кто, да что, да почему...

НИНА. А кого мне бояться. У меня собака злая, змея ещё. Пистолет в кармане. Вот как стрельну - от вас пыль останется. Вы ведь не энергонадзор, вы ведь - разбойник, так?

МИША. Нет. Я - энергонадзор. Не разбойник. А вы из коммерческих, стало быть, структур?

НИНА. Из них.

МИША. *(Вдруг кричит.)* Ах, выключите, выключите, выключите! *(Схватился за голову руками.)*

НИНА. *(Испуганно.)* Что?

МИША. Радио ваше! Там скрипочки!

Нина покрутила радио, выключила его.

Виноват. Как услышу скрипки по радио - так бледнею, радио убить готов и умираю сам. Детская травма от скрипки.

НИНА. Как это?

МИША. Была у меня в детстве тётя, скрипачка, она в другом городе жила. Ну, какая скрипачка - в музыкальной школе преподавала, и приехала к нам на недельку и, понимаете ли, стала меня на скрипке учить играть. А потом положила скрипку в гробик-футлярик, сказала: "Мишенька, не пиликай, что это за профессия для мужчины? К тому же у вас в городе нету симфонического оркестра, А даже если бы и был, ну и что ты всю жизнь

будешь в яме сидеть, да ну!” - сказала, и уехала, и увезла с собой скрипку. И я с тех пор скрипки просто ненавижу, просто падаю, как слышу, уши лопаются просто.

МОЛЧАНИЕ

НИНА. Непростой вы человек.

МИША. *(Помолчал.)* Виноват. Разболтался. Бывает так - вдруг с незнакомым человеком разболтаешься, всю жизнь ему расскажешь. До свиданца.

НИНА. Куда вы?

МИША. А куда?

НИНА. Не туда же.

МИША. А куда же?

НИНА. Дак в ванную?

МИША. Да зачем же?

НИНА. На счётчик-то смотреть?

МИША. Разуваться неохота.

НИНА. Ну, в других квартирах не разуваетесь.

МИША. А в других квартирах такого новенького паркета нету, замараю.

НИНА. Паркет, да. Сама ремонт делала.

МИША. Сами?

НИНА. Разуться надо. Вон шлёпки.

МИША. Да уж пойду. *(Собака лает.)* Злая.

НИНА. Загрызёт - такая злая. Джуна зовут. В честь целительницы одной, слышали?

МИША. Это которая заряжает?

НИНА. Она и заряжает тоже. Разувайтесь.

МИША. Да нет, пойду. С наступающим вас.

НИНА. Нет, пошли. Надо, чтобы был порядок, сами сказали. А то потом будете думать, что у меня тут что-то нечестно. Вперёд.

МИША. *(Хихикает, разувается.)* Кто вперёд - тому красный самолёт, кто второй - тому конь боевой, кто третий - в позолоченной карете... Ах! *(Испуганно смотрит на рваный носок.)*

НИНА. Ничего, я не смотрю. У меня тоже колготки рваные бывают, но, главное, чтоб от сапога до начала юбки было целое - вот этот кусочек маленький, который всем видно, а остальное можно и так. Разувайтесь, я не смотрю.

МИША. *(Помолчал.)* Такая неприятность. Это всё из-за ногтя на большом пальце, не могу его состричь. Я хоть и маленький, а сложиться не могу, достать, и ноготь большой, его надо пилить, а я плохо вижу, а он такой острый.

НИНА. С кем не бывает...

МИША. Ах, неловко!

НИНА. Ну, а жену бы попросили состричь...

МИША. Какую, что вы, ах! Не был, не состоял, не участвовал. Иногда во сне вижу мою свадьбу: жена - в платье белом, в фате, а я рядом - на табуретке стою, маленький, в костюме, и все хохочут, а мне стыдно-стыдно. Михаил - коров доил. Один, старость. Видите, жизнь-то: морг глазками, морг, да и в морг. Мама говорила: не так страшна смерть, сынок, как старость. Так и есть.

НИНА. Да вы не старый.

МИША. Во-во. Маленькая собачка до старости щенков. *(Улыбаются друг другу, молчат.)*

НИНА. Ну и пальто снимите. Вы же на табуретку встанете, вверх полезете, а в пальто неудобно. Уж проверять, так проверять досконально.

МИША. Ну, слушайте, ну? Я вам верю, ну? *(Снимает пальто.)* Называется фасон - “москвичка”. Немодное, старое, но крепкое и тёплое. *(Смеётся.)* Я уж причешу тут тогда свои три волосины, ладно? *(Расчёсывает волосы, укладывает их, прикрывая лысину.)* А знаете, у меня ощущение, что это моя квартира. Да! Только прибранная, отремонтированная,

новая, и я какой-то новый, Новый Год скоро, вся жизнь наладилась, красивая и чистая стала, и я домой пришёл, а дома тепло и чисто. Ну, как во сне, понимаете? *(Молчит, улыбается, смотрит на потолок.)*

НИНА. Непростой вы человек. *(Молчат, смотрят друг на друга.)* А вот интересно мне, вот когда вы в дома везде ходите, вот там какие устройства есть, чтобы мотало в другую сторону?

МИША. *(Грозит ей пальцем.)* А зачем вы это знать хотите? Ай-яй-яй!

НИНА. Да я для общей культуры.

МИША. Ах, уважаемая! Я всегда говорю “ах” - как в кино и в книжках, так воспитывался - на кино и на книжках, а рос я как, знаете? Ах! Как принц - в цветах! Мама так моя всегда говорила: “Растёт мой сыночек как принц - в цветах!” У нас везде цветы стояли, на подоконниках, полках, на полу - как маленький принц в цветах! К чему это я? Ах, да! Говорю всегда “ах” - не обращайтесь внимания! Так вот, масса, скажу я вам, способов, устройств. Вот, к примеру, берут пленку старую - кино или фото, так? И всовывают её в стекло счётчика, чтоб плёнка там завернулась и колёсико бы держала. А как слышат, что я иду, проверка, плёнку - раз! - вынут и колёсико снова вертится.

НИНА. Не дремлет мысль рационализаторская. У нас - нету.

МИША. Верю.

НИНА. А ещё как?

МИША. Я и верю вам. И поддался разуться только на ваши уговоры и понимая, что вам не хочется в глазах других выглядеть не так как-то, хоть вы и из коммерческих структур, но хотите жить честно, как все, так? Понимаю. Или, к примеру, создают такое устройство, с проводом от счётчика в погреб и мотает назад - сложно объяснять почему. Как у вас красиво, столько зеркал!

НИНА. У нас нету погреба.

МИША. Верю. А ещё, знаете ли, создают такую дырку в счётчике методом бурения сверлом, а в дырку вставляют гвоздик или шпильку, так? И тормозят. Колёсико стоит. А как я, проверка, - гвоздик вынут, в карман, и проверяющему улыбаются, а если что не так, учуял проверяющий, они собаке или змее говорят “фас” и - умирай.

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Я вам сказала: у меня в кармане не гвоздик, а пистолет. От воров. Я придерживаю его, чтобы по ногам не стучало. Вы ведь не ворюга, нет? Но если кто ворюга, если кто вдруг резкое движение, я пистолет вскидываю и - не целясь. Ну, всё, кончайте слона брить, идите уже в ванную, смотрите, ну?

МИША. *(Помолчал.)* Виноват, это у меня привычка, говорун - мёртвого заговорю. Вас не удивляет, что я в галстук?

НИНА. Удивляет.

МИША. А я на работу всегда так одеваюсь. Солиднее. И рубашечки, и носочки всю жизнь сам жулькаю, и глажу, и галстук одеваю. Работа, что поделаешь! Работа тяжёлая, опасная. Ишачишь, ишачишь во имя идеи, государства, а денег - фиг.

НИНА. Главное - удовлетворение. А вы его имеете. *(Вошли в ванную. Миша задрал голову, смотрит на счётчик.)* Табуреточку?

МИША. Ах, не надо! Всё в порядке, крутит, как бешеный! Нехорошо он крутит. Может, утечка энергии. Знаете, какие мы потери в энергии имеем? Ой, вы что! Скажем, вам надо двести двадцать, а по проводам при передаче теряется тридцать процентов энергии, в воздух уходит. То есть, должно идти по проводам триста, а не двести двадцать, вот так.

НИНА. Да что вы? Вот ведь. Век живи, век учись. Не знала.

Молчат, стоят в ванной, смотрят друг на друга.

МИША. Вы так всё переоборудовали, ванную поставили, плиту, кухню сделали. Красиво. Прямо как в моём сне. До свидания. Приятно пообщались.

Повернулся, пошел к выходу, одевается.

А собачка какой породы?

НИНА. Не знаю. Большая очень.

МИША. А меня покусал в одной квартире ротвеллер, так я писал заявку на них в милицию и не знал, как написать слово “ротвеллер”. Написал: “Покусала собака меня”.

НИНА. “В-рот-вей-лер”.

МИША. Точно?

НИНА. Точно.

МИША. Я вас прошу, вы уж не шумите, поаккуратнее, даже если и презентация змеи, что я вполне хорошо понимаю. Стенки тут тонкие, дом старый, всё слышно, а соседи у вас честно скажу, не ахти чтобы - ябеды, скандалисты. Сегодня с утра прибежали. Мне кричат: “Ты старший, ты иди!” Нет, чтоб по-людски с вами поговорить, вот как я. С вами можно вполне по-людски говорить, хоть вы и из коммерческих структур. Ну, пришли бы, нажали бы, сказали бы: так, мол, и так, мол, нельзя ли потише, если у вас даже и презентация и прочее, понимаете? А то ведь...

В кармане у Нины что-то зазвенело. Миша прижalsя к двери, не дышит, Нина - к стенке, тоже перепугалась.

МОЛЧАНИЕ.

Не понял?

НИНА. *(Смеётся, достала из кармана халата будильник, машет им в воздухе.)* А вот, надо же, а? Сработало вот, а? Бывает, что и зазвенит! *(Смеётся.)*

МИША. Бомба?

НИНА. Извините. Ерунда какая-то. Даже стыдно.

МИША. Что же это?

НИНА. А это я на испуг беру. Ходят и ходят всякие, вот я это и держу. Я в глазок не люблю выглядывать, рассматривать. Получается - как в тюрьме, к тому же решетки эти на окнах, железные двери, и я всем двери сразу открываю, - ну, такой я человек, понимаете? А для безопасности это вот в кармане держу. И собаки у меня нету. Магнитофон.

Толкнула дверь в спальню, на тумбочке магнитофон - “лает”.

МИША. *(Улыбается.)* А как натурально, надо же, а?

НИНА. *(Смеётся.)* Это я сама записывалась. Вот, все секреты вам выложила. Вы ведь не ворюга, не разбойник, нет?

МИША. Скажете тоже! Теперь понятно, почему счётчик так крутится, вот где утечка! *(Хохочут.)* А змея?

НИНА. А змея - вон висит, правда есть. Хозяйка с утра в аэропорт, за границу укатила, “челночница”, мне денег на мышей оставила и сказала: корми его. А я так “бэ” - ужас просто. Боюсь, в смысле, эту змею. А она - за границу. Ну, кому картошечку бы покрупнее, а кому - бриллианты мелковаты, знаете, да? Ну, вот это - про неё.

МИША. Как, то есть? Это не ваше всё?

НИНА. Да неужели я на такую, из коммерческих структур, похожа? Прямо уж. Домработница я тут. *(Пауза. Смотрят друг на друга, улыбаются.)* А может нам - по рюмочке?

МИША. То есть?

НИНА. Ну, по рюмашечке, а? В честь праздника, а? Мне скучно одной. *(Пауза.)*

МИША. Надо же - утро, а на улице темно ещё. Будто вечер.

НИНА. А мы свечку поставим. Сэкономим энергию. И красивее будет. А?

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Ну, разве что на минуточку.

НИНА. На минуточку, на минуточку! *(Побежала в гостиную к холодильнику.)*

МИША. *(Входит следом за Ниной.)* Разве что минуточку пообщаемся...

НИНА. Конечно, отдых, воскресенье! *(Накрывает на стол, бежит по комнате.)* Сегодня воскресенье, девочкам печенье, а мальчишкам дуракам толстой палкой по бокам! *(Смеются.)* У вас ширинка расстёгнута.

МИША. *(Резко отвернулся.)* Ах, неприятность!

НИНА. Ну, и что смущаться-то так? Ай, да ну! У меня вон халат тоже всё время расходится тоже, ну и что?

МИША. Нет, у вас ведь не специально... То есть, нет, нет, нет! Вы, как женщина, вы даже и не фиксируете перед мужчиной, что вы делаете, вы как бабочка крылышками, имеется ввиду...

НИНА. Какая ещё бабочка? Застегнулись? Всё! Чок, чок - зубы на крючок! Сели.

Миша сел за стол, оглядывается.

Моя сегодня отчалила. Говорит: “Я из-за границы не вылазю!” Поехала в Малайзию на Новый Год - ну, богатая, вроде как. Больше понт наводит, всё для блезиру. Приедет за границу и не знает, что со своими деньгами делать: попить или пописать на них. Извините. И змею эту купила: престиж, престиж! Все свои деньги на эту квартиру грохнула, тут коммуналка была, она их расселила и вот - живёт одна, жениха теперь ищет... *(Налила в рюмки водку.)* С наступающим!

МИША. Как-то неловко...

НИНА. *(Водит рукой перед носом Миши.)* Смотрите сюда, ну? Гипноз, ну? Чтоб я больше ничего такого не слышала, ясно? Вы же сказали: я тут как дома, ну? Гипноз, гипноз, хватъ тебя за нос! *(Зажала Мише нос двумя пальцами, хохочут.)* Выпили! *(Выпили. Молчат. Едят.)* Купила позавчера змею. Оставила меня с ней - ешьте! Ладно бы кошка был, крючок какой, а то - змею. Собрала вчера тут старпёров, женихов своих, они уж ахали, охали тут, квартиру, змею разглядывали, водку всю выжрали, буянили, я им парила, жарила, закуски - видите? - ещё на неделю осталось мне доедать - ешьте!

МИША. Нет, я не могу как-то, пойду...

НИНА. Сидите. Ещё по маленькой, ну? *(Наливает в рюмки.)* Пожайте вы меня: я тут одна, сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе, орёл молодой! Одна со змеём. Выпили! *(Выпили, смеются.)* Как вас зовут, вы сказали?

МИША. Миша. Михаил Григорьевич.

НИНА. А я - Нина. Нина Петровна. Очень приятно, Михаил Григорьевич! Мишка полосатый по лесу идёт! Шишки собирает, песенки поёт!

МИША. Нет, нет! Мишка косолапый по лесу идёт, шишки собирает, песенки поёт!

НИНА. Ну, как же вы говорите, что он “косолапый”, когда Мишка всегда был колосатый! *(Хохочут.)* Ну, что я мелю? Колосатый?! Ой, хоть она и белая, а что-то прибалдела я! *(Хохочут.)*

МИША. Ну, раз так - я скажу тост. Можно? Итак! *(Встал, одёрнул пиджак.)* “Друзья мои, есть право у седого сказать вам всем приветственное слово! За наших женщин, дочерей народа, за красоту души их золотой! Пусть всё сильнее любят год от года нас! Если мы любви достойны той!” *(Заплакал, выпил, сел, вытирает слёзы.)*

НИНА. *(Восторженно.)* Ну, вы даёте, Михаил Григорьевич...

МИША. *(Ест.)* Это я из специальной книжки выучил, к случаю чтоб было и вот, видите, - пригодились...

Смотрят друг на друга, улыбаются. Нина вдруг встала, ходит по комнате, показывает:

НИНА. Вот - диван. Вот, Михаил Григорьевич, шкаф. Вот - холодильник. Вот - окно. Вот - ковер. Вот - цветы искусственные. Кругом зеркала у нас. А это мы с вами в зеркалах

отражаемся. Помните сказку “Бобик в гостях у Барбоса”? Ну так вот - это мы с вами... (Хохочут.)

МИША. Вы знаете, у меня ещё одна неприятность. Я бы вот руки сполоснул бы, а то забыл. А то знаете, везде по улице ходишь, за всё берёшься...

НИНА. А вы как дома, Михаил Григорьевич, будьте. Где ванная - знаете...

МИША. Я бы и пиджак с вашего разрешения скинул бы...

НИНА. Скидывайте и мойтесь!

Смеются. Миша побежал в ванную, закрылся на щеколду. Нина распахнула шифоньер, нашла платье, быстро переодевается.

(Смотрит в зеркало, улыбается, поправляет платье на плечах.) Силач Бамбула поднял четыре стула и совершил прыжок с кровати на горшок... *(Закрывает рот ладошкой, смеётся.)* Рубашка под мышками жёлтая, серая даже. Стирать с кипячением надо. Скрипка... Бобик в гостях у Барбоса... Включите свет, сказал монтёр и на полу разжёл костёр... Включите свет, дышать темно и воздуху не видно... Нет, включите свет, сказал монтёр и сделал замыкание... Замыкание...

В ванной раздаётся дикий крик. Нина схватила халат, бежит в коридор, Миша вылетает из ванной. Столкнулся с Ниной, кинулся к вешалке, поспешно надевает пальто.

Замыкание?! Что - замыкание?!

МИША. Спасибо! Благодарствую! Спасибо! Где мой пиджак?!

НИНА. Перепутали?

МИША. Что я перепутал, что, что, ну, что?

НИНА. Большой унитаз с маленьким? *(Хихикнула.)* Шутка. Шутка такая.

МИША. Не стыдно?! Бессовестная! Что там в халате, что вы там в халате прячете, ну?! Ну?!

НИНА. Да ничего, Михаил Григорьевич...

МИША. Вывернуть!

Выхватил из рук Нины халат, порылся в кармане, вытащил гвоздик, машет им перед носом Нины.

Гвоздик вот!

НИНА. Ну, гвоздик...

МИША. Гвоздик! Тоненький! В счётчик всовывать! Я пошёл руки мыть и решил, чтобы уж всё между нами было бы чистыми руками, так сказать, и встал на ванну - будто кто в бок толкнул! - и посмотрел близко очками на счётчик - не верь людям, мама говорила! - и вот! С боку - дырка!!! Просверлили! Значит, я в дверь звоню, вы - гвоздичек в карман, будильник туда же, магнитофон - на кнопку, змее - “Готовьсь!”, и давай мне зубы заговаривать, водкой опаивать?! Не стыдно?! Свобода, равенство, братство?! Мотало в другую сторону, так? Кто гвоздик вытащил, когда я позвонил, ну?!

НИНА. Ну, я...

МИША. “Ну, я?!” Во-во. Ну, я. А потом за стол, душещипательные беседы, чтоб молчал, глаза закрывал, не штрафовал, а они тишком будут приворовывать, так? Штраф! Обрезание! Отключение! Темнота! Штраф!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Поквакал?

МИША. Что? Что вы сказали?

НИНА. Я сказала: поквакал? Ну и хорошо. Иди назад, в тину. Орёт мне ещё тут. Да мне по уху, понял? Нет? На кого баллон катишь?! На меня?! Тоже мне... *(Пошла в комнату, убирает со стола, бормочет.)* Штрахуй, обрезай... Я его за стол, а он - с ногами на ванну, с

проверкой - ой, ай, ах! Лепездричество, лепездричество, стучит мне тут пяткой в грудь... Вали вон - нога свободна.

МИША. *(В дверях.)* Что же вы сердитесь, я обязан, это мой долг, моя работа, я, в конце концов, зарабатываю на этом...

НИНА. А знаешь, сколько я тут зарабатываю? Сколько вся твоя гидроэлектростанция вместе взятая, всос?

МИША. Но...

НИНА. А теперь - отсос. Вали. Герой, штаны с дырой. Смотрит, как солдат на вошь. Давай, плыви, плыви, говно зелёное...

МИША. А?

НИНА. И “бэ” витамины, и “цэ” тоже не отравя. Голова пластилиновая. Закрой вякалку. Шустрый, как вода в унитазе. Наготовила, накрыла, переоделась ему, а он - чистыми руками, чистыми руками... Наелся? Моего, говорю, наелся? Напхал бурдюк? А теперь сделай фокус - испарись! *(Села в кресло, плачет.)*

МИША. *(Молчит.)* Ну, что же вы обижаетесь, я ведь должен, должен...

НИНА. Да никто не обижается. Ещё чего. Так просто я. Думаю просто, что как приедет она, так сделает мне - бледный вид и форму чемодана.

МИША. За что?

НИНА. За то, что пустила некоторых в квартиру! Ясно? Всё! *(Плачет. Молчание.)*

МИША. Ну, что же мне делать?!

НИНА. Сделай фокус - провались.

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Ну, хорошо. Я приду к вам через неделю, когда хозяйка ваша будет дома. И войду, будто в первый раз, найду дырку, составлю акт и оштрафую её. Вы тут будете не при чём. Она и знать не будет, что вы меня впускали. Только вы эту неделю, пожалуйста, не втыкайте гвоздик в счётчик! Нельзя, понимаете?! Государство и так бедное, а мы все вокруг ворует и ворует, нельзя! До свиданца. Приятно пообщались.

Одевается в прихожей. Нина вытерла слёзы. Вышла, посмотрела на Мишу. Взяла его за руку, потащила в комнату, посадила, налила.

НИНА. Гипноз, гипноз - хвать тебя за нос! Выпили. Ну, быстро?!

Выпили. Миша сидит в пальто за столом. Смотрят друг на друга. Смеются. Миша пальцем тычет в стенку.

Что? Не поняла? Что?

МИША. *(Шепотом.)* Зеркало...

НИНА. Что - зеркало?

МИША. Вы вот руку протянули за тарелкой, зеркало отразило вас и вдруг...

НИНА. Что?

МИША. И вдруг я вылетел отсюда, вылетел напрочь...

НИНА. Куда вы вылетели?

МИША. В воспоминание!

МОЛЧАНИЕ. *Смотрят друг на друга, улыбаются.*

НИНА. Вылетели?

МИША. Да! Ах! У меня в молодости была одна влюбленность, девушка. Я ходил заниматься танцем в Дом Культуры, думал - подрасту, благодаря танцам. Парней в кружок ходило мало и все были рады, что даже такой плюгавыш, как я, пришёл танцевать и я был - нарасхват. И эта девушка меня выбрала, мы с ней танцевали “Русский лирический”, “Пасадоплъ”, “Летку-еньку” и всё такое прочее. Однажды я провожал её домой, был вечер, мы встали у фонаря возле её дома, с крыши капельки бежали - весна! - она руку под

капельки поставила, улыбается, фонарь светит, капельки - бум! бум! бум! - в ладошку её и брызги мне в лицо, и она смеётся, и такой я её запомнил... И вот вы сейчас руку протянули, я это в зеркале увидел - и вспомнил её. *(Молчит, улыбается.)* Конечно, она надо мной посмеялась, отказала мне, я теперь её иногда встречаю, она всё время в наш хлебный ходит, стала толстая, и злая, и неприятная. А была такая красивая тоненькая девочка - ловила капельки с крыши... *(Пауза.)* Ах, простите меня, простите: говорю без остановки. Я стал пьяный - пробку понюхал только ведь, болтун стал, плакать вдруг так захотелось... Тут так тихо, спокойно, и всё время у меня мысль в виске колотится: я дома, я дома, это мой дом, тут тихо, тут тепло, отремонтировано, тут спокойно, у меня всё в порядке, у меня всё хорошо, никаких чёрных дней, ничего не было страшного - всё приснилось...

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Ешьте, Михаил Григорьевич. Ешьте. Много осталось ещё. Всё равно выкидывать. И рассказывайте ещё. *(Вытерла слёзы.)*

МИША. А может - споём?

НИНА. *(Смеётся.)* А может - и споём!

МИША. Мой батя, бывало, как напьётся, так начнёт во всю глотку петь. Он был шоферюга, вывозил мусор от “чэка”, “кагэбэ” - потому ему и дали комнатку для него, меня и мамы в нашем “Городке Чекистов”! Он сидел на стуле, раскачивался - шоферская привычка, все стулья в доме переломал! - раскачивался, краснел от водки, рычал во всю глотку: ”Чому ж мэни, Боже, ты крыльив не дав?! Я б зэмлю спокинув, тай в нэбо злитав!” Он был хохол, это была его любимая песня, а означает она: ”Господи, Боженька ты мой! Почему же у меня нету крыльев?! Я бы полетел на небо!” Понимаете? Как выпьет, так и поёт одну и ту же строчку... Умерли: мама и папа.

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. А когда моя мама умирала, они меня вызвали в наш райцентр телеграммой. И я как раз приехала, когда они “скорую” на дом вызвали. И вижу: мама на постели лежит, меня не видит, лежит испуганная, умирает и говорит врачам быстро и тихо: ”Вы же должны мне помочь, мы же вас вызвали, чтобы вы мне помогли, вы же “скорая”, вы же должны мне помочь...” И вот так вот, не понимая, почему ей не помогают - и умерла. *(Вытерла слёзы.)*

МОЛЧАНИЕ.

Ну? Что мы тут развели болото? Ну? Вставайте, Михаил Григорьевич, пошлите в вашу комнату, я вам покажу, как там Зинка, моя хозяйка, на потолке над кроватью для сексу зеркала сделала. Пошли! Мороз воевода дозором обходит владенья свои!

Взяла Мишу за руку, ведёт в коридор, потом в спальню.

Вот тут - коридор, вот тут - спальня, вот - кровать, вот - окно, вот - магнитофон лает, вот клетка со змеем - не подходите близко!

Пауза. Миша стоит в спальне, крутит головой.

МИША. Как тут в моей комнате красиво! А там, в той жизни, у меня всё не так стоит. Вот тут у меня полочка, тут - телевизор, тут у стенки - кровать: по вечерам я всегда слушаю, как соседи приходят домой, ведь стенка эта в подъезд выходит, к входной двери, и я все их шаги, шаги моих соседей выучил и различаю, кто пришёл: девочка, учительница, пьяный папаша, старик-чекист, бабушка с рынка... Дверь - хлоп, хлоп, хлоп, - а я лежу и слушаю, слушаю их шаги. А вот тут у меня стоит радио, тут - плитка, тут - кухонный стол, мы все готовим в комнатах своих, так заведено в нашей коммуналке, такой порядок... Да вы увидите, если в гости придёте...

НИНА. Приду...

Молчат. Миша сел на кровать, улыбается.

МИША. Надо же. Будто моё. Ах! Всё чистое и без тараканов...

НИНА. *(Села рядом.)* А вверх посмотрите, ну?

Задрали головы, смотрят на потолок, смеются, болтают ногами. Миша запел тихонечко, Нина подхватила:

МИША. “Мы едем, едем, едем в далёкие края! Счастливые соседи! Весёлая семья! Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём с собой кота! Чижику, собаку! Петьку-забияку, обезьяну, попугая, вот компания какая! Вот компания какая!...”

Хохочут, показывают пальцами на потолок, в своё отражение тычут, смеются, болтают ногами. Молчат.

МИША. Как сверху красиво! Говорят, наш “Городок Чекистов” сверху выглядит как “Серп и Молот”. Но никто не проверял. И когда мой отец пел про крылья, я был маленький и думал: вот бы он слетал бы и рассказал бы мне - так оно правда или нет... *(Смеётся, смотрит в потолок.)* Живут же люди, ах!

НИНА. *(Смотрит в потолок.)* Вот она со своим мужем будет тут лежать. Она толстая, жиртрест такой. Он пузо отстегнёт и она - тоже отстегнёт, и - поехали! *(Смотрит на Мишу.)* Извините.

МИША. Слышите? Змея зашипела. Проснулась. Видите, как меня все животные домашние ненавидят, чувствуют, даже - змеи. *(Встал, подошёл к клетке.)*

НИНА. Михаил Григорьевич, а когда надо будет его мышами кормить - вы придёте? На помощь?

МИША. *(Заглядывает в клетку.)* Да я только раздражаю его. Её ли. Не стало бы хуже.

НИНА. Ну, что мне с ним делать, а? *(Вздыхнула.)* Выкрасить да выбросить. И всё из-за неё, из-за этой жилы. Я ей сколько раз говорила: “Жила долго не живёт, заболеет и помрёт”, а она тянет и тянет, ворует и ворует...

МИША. Кто?

НИНА. Зинка, хозяйка моя. Мы с ней вместе когда-то в техникуме учились - в горно-металлургическом. В общежитии мест не было, я пустила её на свою кровать и мы с ней полгода валетом на одной кровати спали - ну, это когда было-то, в одна тысяча девятьсот шестьдесят мохнатом году! Ни она, ни я по специальности не работали потом, я её после техникума потеряла, ездила я, счастья искала, из общежития в общежитие и до сих пор в комнатухе коридорной системы. А тут два месяца назад пошла в домоуправление “Городка Чекистов” и устроилась маляром, потому что домоуправ - знаете его? противный такой! - ну, он обещал квартиру дать, если три года проработаю. Жди, мол, какая старуха помрёт, тебя в её квартиру поселим. А я в первый рабочий день пошла сюда, в эту квартиру, на ремонт по вызову, двери открывает - Зинка! Ну, давай плакать, вспоминать, как мы валетом спали, молодость и она меня позвала к себе домработницей. Говорит: “Найдём мужика тебе с квартирой!” - ну, и всё такое прочее... *(Пауза.)* Вообще-то, она баба хорошая, только - “жила”. Жадная. Ей несут сырым и варёным. Торгашкой заделалась, они все такие. Вот так вот, Михаил Григорьевич.

Сидят на кровати, смотрят друг другу в глаза.

МИША. Как мы с вами похожи...

НИНА. Похожи, да. Как клюшка с шайбой.

МИША. В смысле - судьбами. Ах!

НИНА. Мы - наклюкавшись стали. *(Смеётся.)* У меня причёска - прям взрыв на макаронной фабрике, извините!

МИША. Очень даже хорошая причёска, что вы, ах!

НИНА. А теперь я вам что-то покажу. Знаете, что?

МИША. Догадываюсь...

НИНА. Нет, вы не догадываетесь. Вы никогда не догадаетесь. Сидите смирно. Вот здесь, на кровати, я - сейчас...

Выскочила в коридор, схватила чемодан, что стоял в углу, притащила его к кровати, раскрыла. Сидит на полу, перебирает в чемодане чёрные фигурки из бумаги.

Вот - всё моё богатство. Вы подумаете сейчас, что у меня - жбан не варит, соображаловка заржавела, так?

МИША. В смысле?

НИНА. Вот - мои игрушки. *(Показывает Мише вырезанные из бумаги фигурки.)*

МИША. *(Улыбается.)* А вам сколько лет?

НИНА. Тридцать один - ем один. Тридцать пять - никогда не дать. Сорок восемь - половинку просим. Не скажу. Нравится?

МИША. Очень.

НИНА. Я бы вам что-то показала, но я боюсь.

МИША. Не бойтесь, показывайте!

НИНА. А вам скрипки не нравятся, вы говорите: уши лопаются. А тут надо как раз со скрипкой.

МИША. Ничего. Вытерплю. Показывайте со скрипкой.

Нина пробежала по комнате, закрыла шторы, поставила у кровати два стула, на них раму, обтянутую простынёй - экран (из чемодана вытащила), села на пол за экраном, включила настольную лампу, свет её на экран направила. Миша сидит, улыбается, руки на коленях, как школьник, сложил; удивлённо следит за тем, что Нина делает.

НИНА. *(Из-за экрана, не своим голосом.)* К приёму искусства готовы?

МИША. В смысле?

НИНА. В смысле - готовы?

МИША. Готов.

НИНА. Собрались?

МИША. Собрался.

НИНА. Ну, поехали тогда. Кино называется: "С любимыми не расставайтесь!"

МИША. Как?

НИНА. Тише! Уже началось! Потом всё поймёте и спросите!

Нина нажала кнопку на магнитофоне, зазвучала тоненько и грустно скрипочка. На экране - девочка и мальчик целуются, руки друг к другу тянут, лебеди над ними летают, трава колышется, солнце всходит, луна заходит, девочка машет мальчику рукой, мальчик машет девочке рукой, девочка уходит, а мальчик играет и играет на скрипочке - грустно и протяжно; и снова лебеди летают, но уже тучи на небе, солнца не видно, старуха выходит - злая и растрёпанная, ведёт старуха мальчика за руку, в подземелье, девочка бежит, тянет к мальчику руки, но нет его уже, одна девочка, плачет она горько и скрипочка плачет. Нина выключила магнитофон. Сидит за экраном, молчит.

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Всё?

НИНА. Всё. Уконтропупила я вас?

МИША. Уконтропупили. Уконтропупили... Что это было?

НИНА. Пионерский театр теней. Я такую книжку в "буке" купила и сделала "Пионерский театр теней", и сама с собой играю, в первый раз вот показываю другому человеку, никто ещё не видел. Вы никому не скажете, а то смеяться будут. Нет?

Миша встал с кровати, прошёл за экран, сел на пол, взял руки Нины в свои руки, плачет, мотает головой в разные стороны.

МИША. Я никогда, никогда, никогда, никогда никому не скажу!!!!

НИНА. Да нет, такой уж страшной тайны тут нету, просто я думала: взрослая баба, а с игрушками...

МИША. Нет! Вы не баба! И вы не с игрушками!

НИНА. Ну, а кто же я, баба, конечно, и с игрушками, дурочка, девочка-припевочка... А кто же я, если не баба и не с игрушками; говорите, что ж, тут тайны нету, в общем-то...

МИША. Я никогда, никогда, никогда никому не скажу!!!!

НИНА. Да нет, говорите, что уж тут смертную клятву с вас буду брать...

МИША. Я никогда, никогда, никогда никому не скажу, что у вас в счётчике дырка!!!! Никому!!! Вам нужнее всех людей на свете электричество!!! Вы должны им много пользоваться!!! Нина Петровна, вы такая... Вы такой человек... Я таких людей никогда не встречал, Нина Петровна... Положите меня на кровать, пожалуйста, а то у меня от избытка чувств сейчас сердце остановится!!! Я никогда так много не пил, я вас люблю, Нина Петровна, выходите за меня замуж!!! *(Плачет.)*

НИНА. Михаил Григорьевич, мы с вами знакомы полчаса...

МИША. Нет!!! Всё решено!!! Ничего, что у меня маленькая комнатка, вы сами сказали, что у вас опыт имеется, мы можем и валетом спать!!!

НИНА. Ну, зачем же валетом, Михаил Григорьевич, успокойтесь...

МИША. Вы, конечно, мне откажете, потому что вы такой человек немыслимый, ах, а я как гриб-поганка, метр с кепкой, Нина Петровна, Нина Петровна, положите меня на кровать!!! *(Нина встала, одним рывком подняла Мишу, положила его на кровать, дует ему на лицо.)*

НИНА. Михаил Григорьевич, тише, что с вами, не надо...

МИША. Всё, вот так хорошо, сейчас отойду, в смысле - выздоровлю, посидите так, ах, сейчас бы умереть, если бы умереть, то на моём могильном камне можно было бы написать: "Умер от счастья", если умру - напишите, Нина Петровна, Ниночка, Нинончик, Нинунчик мой дорогой, ах, я умираю...

НИНА. Михаил Григорьевич, у меня лекарство, у меня валидол, у меня валерьянка, вы что, тише...

МИША. Нет, нет! Ах, не двигайтесь, дайте вашу руку мне и сидите так, ах, ах, ах! *(Плачет, смотрит в потолок.)* Боже мой, какой я некрасивый, вы видите там, в зеркале на потолке, какой я урод, убожество, обрубок, никому не нужен, и вы мне тоже отказали...

НИНА. Да никто вам не отказал, тише, не дёргайтесь...

МИША. Нет, нет, ах, я знаю, вы откажете, вы видите там, там, в зеркале, что там такое лежит?! Уродец, лилипут, чертёнок - у меня фамилия Безносюк, Миша Безносюк, в школе "Бесом" дразнили, бесёнком, и все издеваются, смеются, старшим по дому выбрали, нарочно, чтобы посмеяться, ах, и все животные меня ненавидят, три раза меня били, всё плохо, я умираю, скажите, наконец, "да" или "нет"...

НИНА. Михаил Григорьевич, кто ж по пьянке такие вещи решает, мы же с вами наклюкавшись...

МИША. Нет, мы не наклюкавшись! Нет! Вы мне отказываете, я ниже вас!

НИНА. Да мы с вами почти одного роста!

МИША. Нет! Нет! "Да" или "нет" - ваш ответ?! Ну?! Сейчас или никогда?! Я жду!

НИНА. Что вы ждете?

МИША. Ваш ответ?! Да или нет?!

НИНА. А разве я ещё не сказала?!

МИША. Нет, не сказали!

Смотрят друг другу в глаза, тянутся губами - поцелуй. Ключ в замочной скважине входной двери поворачивается, в коридор входит Зина: в пальто, шапке, сапогах, с сигаретой в руке.

Дверь в спальню из коридора открыта и Зина сразу увидела Нину и Мишу. Нина и Миша застыли. Не двигаются.

МИША. Здрасьте.

НИНА. Здрасьте.

ЗИНА. *(Молчит.)* Здравствуй, лошадь, я - Будённый.

МОЛЧАНИЕ.

Гадский папа. Борзота какая, а? *(Пауза.)* Вонизм в квартире, раздрай какой.

НИНА. Уже назад?

ЗИНА. Я не просекла - это что за номер, братья по разуму? *(Пауза.)*

НИНА. А я вот театр Михаилу Григорьевичу показываю вот...

МИША. А я свет проверяю вот...

ЗИНА. Вы чего, борзянки наелись?! Оба пять?! А?!

И так она это "А?!" сказала, что Миша рухнул на постель и бездыханный затих. Нина визжит. Зина курит.

НИНА. Мишенька, мальчик мой?! Родненький мой, Мишенька?! Что с тобой?!

ЗИНА. *(Курит.)* Что он, лапти склеил? Ну, бери тогда его под мышку и свои манатки и - проваливайте оба. Отчаливайте! Быстро!

Пошла в другую комнату, переодевается в халат, сунула ноги в шлёпанцы.

(Громко.) На всё про всё у вас пять минут. *(Ходит по комнате, коридору, пошла в туалет, что-то напевает.)* А если бы не задержали самолёт и я бы не приехала назад, что тогда, подруга?! А?! Вот и верь людям, а они будут внагль, внахалку тобой крутить... Вот ведь бацилла с ниппелем, а?!

Прошла в спальню. Стоит, смотрит, молчит. Нина гладит Мишу, плачет.

Я умею врагам сделать отлуп. Предателям. Тем, кто моим хорошим расположением воспользовался. Была у меня одна подружка, отбила у меня мужика и я её наказала. Фотографию её отнесла на кладбище и закопала. Помогло. Померла.

НИНА. А ты с мужиком осталась?

ЗИНА. Фильтруй базар! Сколько раз говорила тебе: не "ты", а "вы", домработница! Я тебе это для информации говорю, потому что ты меня своими закидонами зафакала, понимаешь?! Нет, не осталась. Я фотографию случайно ту закопала, на которой он с ней сидел и оба дуба дали. Ну и пусть. А ещё есть способ: сделать фигурку из воска, обмотать нитками и тыкать, тыкать, тыкать, тыкать иголкой. И думать, что это тот человек, которого ты сжить хочешь. Сразу копыта кидает. Молодец ты, Нинок. Спасибо тебе. Так и действуй в будущем: плюй на ближнего, сри на нижнего. Нет, надо же! Устроила палкодром, но хотя бы было с кем, было бы, то ведь ты посмотри только: пигмей, прыщ, бройлер! Ну, я тебе отомщу, Нинок, ой, отомщу, гадский папа, ты меня вспомнешь!

НИНА. Да он свет пришёл проверить!

ЗИНА. Хорошо, хорошо... А вот ещё есть способ, Нинок, чтобы насолить тем, кто тебе насолил...

НИНА. Ну и вредина же ты, да ты пойми...

ЗИНА. Вы! Вы! Вы, сказала!!!

НИНА. Да он старший по дому, представитель энергонадзора, и ничего тут такого не было, ты сначала разберись...

ЗИНА. Придержи веник! Никаких оправданий! Твой номер восемь - когда надо спросим! Бери его, это чмо из Зажопинска, своё барахло и - вон. И платье моё сними, хамло! Как муха на аэродроме нагло себя ведёшь! Я ведь очень просто мстю: беру фигурку из воска и начинаю её иголкой, иголкой, иголкой! Да ты посмотри на него: у него штаны

закатанные, как у негра, он же алкота, видно сразу по цвету лица, прям с плаката: ”Ты ещё не опохмелился?!!!!” Ноги иксом и рожа как у Розы Люксембург!!!!

НИНА. Сейчас он проснётся и мы уйдём. Бедный Миша, худой какой, как с креста снятый...

ЗИНА. Худой! Его палкой не добьёшь, гадский папа! Дура ты долбаная! Дура! У меня главврач из дурдома знакомый, фамилия у него - Синайский, а дурдом зовут - Синайские горы! Вот тебя туда определю по блату, на Синайскую гору, дуру!

НИНА. Зина, он мне сделал предложение.

ЗИНА. Значит, вдвоём вас, на Синайскую гору! В одну палату!!!

НИНА. Зина, не завидуй.

ЗИНА. Что?! Кто завидует?! Я?! Кому?! Тебе?! *(Хохочет.)* Сразу ты всё поняла. А ты деловая колбаса. С чего я должна завидовать тебе, дура ты такая?!

НИНА. С того, что я быстрее тебя нашла человека. Друга жизни.

ЗИНА. Конная гребля на коньках! Кошмар! Посмотри на него, на друга жизни, внимательнее, посмотри! Гадский папа, это надо же, что она играет?!

НИНА. Успокойся. Он, может, поспит и передумает.

ЗИНА. Ну, это однозначно - с четырьмя ”чэ” и несомненно - с пятью ”эн”!

НИНА. А знаешь, какой он хороший? В уме считает. У него детская травма от скрипки. В школе его звали ”Бес”... *(Вздыхнула, улыбается, гладит Мишину руку.)*

ЗИНА. Не городи брахмапутру! Она его за муки полюбила, а он её за сострадание к себе! Средь шумного бала с вещами ты встретила мне! Ты посмотри на себя в зеркало, ты, крокодил в юбке?! Кто тебя сегодня будет любить, если у тебя нет квартиры, денег и прочего?! Ты подумай трезво о жизни, без лирики, дура, какая была дура, такая и осталась! Понимаешь?! Что-то лирики в почёте, что-то физики в загоне, ты поняла или нет?! Ума нет - считай больной! Вальтом в общаге - недолго вытерпишь! И ты, и он, дура!

НИНА. Ну, хватит. Дура, дура. Надоела. Сейчас уйдём. Что ты злишься-то?

ЗИНА. Я?! Что ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня?! Трудно высказать и не высказать всё, что на сердце у меня, понимаешь?! Я прям так и вижу вас, двух уродов, два выкиньштейна, дурак и дурнушка, вижу, как вы сидите и ужинаете, счастливо соединившись! Вижу: он в свитре старой вязанной драпой, ты в халатике замызганном, подаёшь ему котлетку из вонючего фарша на стол и консерву из кильки! Думаешь, долго выдержит он и ты, кстати, тоже эту консерву, долго?! Ну, а что, ты считаешь - с милым рай и в шалаше! Уродов таких же понаделаете, как и вы сами и будут они портить окружающую среду! Посмотри: ведь сегодня кто подсутился - тот на плаву, а растерялся - и утонул! Или ты забыла, что уже собиралась в фирму ”Ведьма” идти работать, проституткой на особый вкус?! Забыла?! Я же тебя на улице подобрала, отмыла, отогрела, а ты что тут, а?!

НИНА. А кто меня лаять заставлял?!

ЗИНА. Да я же временно, сказала, временно - пока собаки нету, но будет опосля, не сейчас, временно с четырьмя ”эн”, гадский папа! Ну, посмотри, сколько добра, ведь всё выкрадут и я что, на бобах? Меня мужики будут только за это любить!

НИНА. Фу. Как противно.

ЗИНА. Противно ей?! Закрой борщехлёб и не греми крышкой, милочка! Это, дорогуша моя, объективная реальность, данная нам в ощущениях, понимаешь?!

НИНА. Как стыдно.

ЗИНА. Не ссы в компот, там повар ноги моет! Нет, не стыдно! Совсем не стыдно! Мне вот за тебя стыдно, что ты с таким вот тут! Я вхожу, а они - взасос!!!!

НИНА. Зина, не завидуй.

ЗИНА. Слушай, ты, срань тропическая пучешарая, кто тебе завидует, кто?!

НИНА. Вы.

ЗИНА. Кто - мы?!

НИНА. Ты.

ЗИНА. Из-за чего?! Из-за кого?!

НИНА. Из-за Миши.

ЗИНА. Из-за Мишки-залупышки?! Из-за этого задохлика, клопа, малявки, шпингалета?! Дура! На Синайскую гору!!!

НИНА. Завидуешь. Я раньше тебя нашла и не из-за мебели, а по любви, и ты злишься.

ЗИНА. Гадский папа, ах ты, жопа говорящая, до чего же ты дошла, ты уже готова со всеми спать, вплоть до с этим?! Молчать мне тут! Заткнись!!!

НИНА. Сама заткнись!!!

Миша сел на кровати, протёр глаза, смотрит на Нину и Зину. Нашарил очки, почесался, руки между коленок засунул, сидит, улыбается, смотрит на Нину и Зину.

МИША. Вот. Пospал.

ЗИНА. Pospали?

МИША. Pospал.

ЗИНА. Ну и хорошо?

МИША. Очень хорошо. Снилось: я на скрипке в Кремлёвском дворце съездов. И всё правительство слушает. И вдруг в самый пик - свет отключили. И скрипочка так жалобно и красиво пищит в темноте. Первый раз такой странный и хороший сон со скрипкой.

ЗИНА. Ну и славненько. Мягкая у меня постелька. Да? На ней ещё никогда не спали представители энергондзора. *(Молчание.)*

НИНА. Водички?

МИША. *(Улыбается.)* Водички.

НИНА. А может, сочку?

МИША. А можно и сочку.

ЗИНА. А может - коньячку? Водочку подлакировать?

МИША. А можно и коньячку...

ЗИНА. Ну, иди уже, Ниночка. Принеси уже товарищу сочку или коньячку. Моего сочку и моего коньячку.

Пауза. Нина пошла в другую комнату, к холодильнику. Зина достала из кармана халата портсигар, снова закурила.

МИША. Какой у вас.... портсигар красивый...

ЗИНА. Китай. Гадский папа, который раз уже сегодня не тем концом прикуриваю.

МИША. Это значит, вы о ком-то сильно думаете, он у вас в душе.

ЗИНА. Командир самолёта, наверное. О нём я думаю. Чтобы Новый Год не на скамейке в аэропорту встречать, а под солнечным небом Малайзии. Ну, как белые люди. Значит, о нём? Ну-ну.

МИША. А вы, значит, и есть хозяйка этой квартиры?

ЗИНА. А я, значит и есть хозяйка этой квартиры. Здрасьте.

МИША. Здрасьте.

ЗИНА. И ещё раз - здрастьте. Давно не виделись. И кровать тут моя. И сок мой. И водичка из-под крана моя. И коньячок, и водочка - мои. И змея, и зеркала, и мебель! Да, кривитесь: торгашня, всё купила, прихватила, продала!

МИША. Я ещё ничего такого не сказал...

ЗИНА. Да я по глазам вижу, как вы презрительно вокруг смотрите!

МИША. Наоборот. Я тут как во сне у себя дома. У меня такая же комнатка, только в другой части "Городка Чекистов", в "Серпе", а тут я - как дома, но во сне... Я, пожалуй, пойду...

ЗИНА. Как - пойду?! *(Хохочет.)* Вы же сделали предложение моей домработнице, заспали?! Я не против, но только имейте в виду, что я увольняю её за то, что она устроила

тут бордельеро с вами. Жена у вас будет без работы, на шее, понимаете? Или вы уже передумали?

МИША. Я? Нет, не передумал. А где же Ниночка?

ЗИНА. Ниночка-картиночка! *(Хохочет.)*

НИНА. *(Пришла в комнату со стаканом воды.)* Я тут, Мишенька... Передумали?

МИША. Наоборот. *(Улыбается Нине, смотрит ей в глаза.)* Ещё больше убедился в своём решении, пока спал. Говорят под Новый год что ни пожелается, всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается... *(Повернулся к Зине.)* И ответственный квартиросъемщик вы?

ЗИНА. И ответственный квартиросъемщик я! Всё моё! Что так пронзительно смотрите, ну?!

МИША. Я смотрю, всматриваюсь в ваши глаза, чтобы понять, увидеть...

ЗИНА. Ах, что вы, мужчина, можете увидеть в глубине моих глаз! *(Хохочет.)*

МИША. Я хочу увидеть сколько электроэнергии вы украли у государства... Я должен составить акт...

ЗИНА. Акт! Акт! Акт! *(Хохочет.)* Понеслось говно по трубам!

МИША. Я должен оштрафовать вас, потому что вы нарушаете правила пользования электроэнергией, одинаковые для все граждан без исключения...

ЗИНА. Эй, говорливый, вытри нос сопливый! Что ты развозникался? Железными нотками, металлом в голосе на меня не дави, не наезжай, не боюсь. *(Пошарила в кармане халата, достала кошелек, вынула оттуда и кинула на кровать бумажку.)* На. Жри. Семеро с ложкой, один с сошкой. Так и норовят вырвать. А ты пластайся, как запластайка какая последняя для них, трудись, работай, а они тут, прихлебатели. На. Пей мою кровь в валютном исчислении. Сдачи - не надо. Тут пять твоих штрафов. А квитанцией о штрафе подтери себе зад. Лежит тут на моей кровати и ещё и выступает: "Я дома, я дома, я дома!"

МИША. *(Помолчал, встал, тихо.)* Мне платить не надо. Нужно в сберкассу. А потом квитанцию в энергонадзор. Кстати, нужно говорить не "подтери", а "подотри"! Но мне - не надо. У меня - зарплата. Я выпишу счёт. В сберкассу!

ЗИНА. Ну, посмотри, пристал к жопе с ножом: плати в сберкассу да плати в сберкассу! Идиот, гадский папа, я дала тебе взятку? Гордый какой, выпарился мне тут!

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Мне взятка - не надо...

НИНА. Мишенька, не нервничай!

МИША. Мне - не надо. Нужно - государству. Свобода, равенство, братство... А вы, товарищ...

ЗИНА. Я тебе не товарищ! Твои товарищи в овраге лошадь доедают! Твои товарищи на Синайской горе коробки клеют! Права давит! Бичуган, чучмек, обрубок, зимогор, бормотушник, бройлер, клоп, шкет, шмокодявка, шкалик, буратина недоструганный, задохлик, спиногрыз, карапет засмарканный, карлсон, малявка внепапочная, заусенец, шпингалет, крепыш бухенвальдский, а ну - вон оба отсюда!!!! Не тебе если, то начальнику твоему дам взятку и никто мне ничего не сделает, понял?! Смотри-ка ты, уел он меня, выступает тут, гадский папа, честный, мою домработницу пришёл щупать, автомотовелофоторадиобабалюбитель, вон!!!!

НИНА. Сама вон!!! Заплати штраф! Ворьё чертово! Всё надо честно! Правильно Миша говорит! Я буду с ним тоже ходить свет проверять и таких вот как ты - наказывать!

ЗИНА. Я упала с самосвала, тормозила головой! *(Хохочет.)* Иди! Проверялка! Испугала!

МИША. Не трогайте Нину!

ЗИНА. Ах, твоя Нина! А ты знаешь, кстати, кто идею мне подал и кто дырку в счетчике сверлил? Думаешь - я?! Я же образованный с четырьмя "эн" человек! Я же не фуфло какое-нибудь! Я же университет марксизма-ленинизма два года оттрубила! Я же президент фирмы "Мегаполис-экспресс"! Президент акционерного общества открытого типа

”Шафран”! Член общества любителей животных! И вы думаете, что я в таком положении могу дырку в счётчике сверлить?! Знаете, кто такой ушлый?! Она!

НИНА. Миша, не верь ей! Я свечкой светила, а она - сверлила! Барахло же ты, Зина! И не ври! Знаем мы твои акционерные общества - киоск вонючий на рынке!

ЗИНА. Заверни вентиль! Нет, молодой человек, вы можете представить, что я, я, я стою на табуретке и верчу дырку в счётчике?! Вы думаете - это реально? Да что с вами? Да у меня три высших образования за плечами!

НИНА. Что ты врёшь, откуда?! Миша, она все свои дипломы купила!

ЗИНА. Не верь, Миша! Ах ты, Нина-говнина, ну, всё - раз мы так с тобой схлестнулись, я тебе сейчас покажу! Где мой “Поляроид”?! Сейчас фотографию сделаю и на кладбище, закопаю её и ты увидишь, гадина ты такая, что будет! Оба окочуритесь! Не верьте ей, Миша! Вы видите, молодой человек, у меня столько всего, у меня масса важных друзей, и даже там, наверху, да у меня в конце концов змея есть, ну у кого ещё есть змея, а у меня вон, висит, а я буду дырку в счётчике???!!...

Зина вдруг замолкла. Перепуганно таращится на клетку.

МИША. Что?

НИНА. Что?

ЗИНА. *(Шепотом.)* Кто открыл клетку?!

МОЛЧАНИЕ. Все втроем смотрят на болтающуюся дверцу клетки.

НИНА. Кто открыл клетку... Кто открыл клетку?!

МИША. Я открывал... В смысле, я заглянул, а потом закрыл... Кажется...

Зина визжит. Вспрыгнула на кровать. Миша и Нина в секунду рядом с ней оказались. Вцепились все трое друг в друга. Молчат. Не двигаются.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Те же, там же. Стоят на кровати, не двигаются.

НИНА. Бобичек, ты меня слышишь? Не двигайся!

МИША. Слышу, Барбосик, не волнуйся, тебе вредно!

ЗИНА. Какой Бобик, какой Барбосик, закройте поддувало, молчать!

МОЛЧАНИЕ.

МИША. *(Шепотом.)* Она далеко не ушла, я пойду, я найду...

ЗИНА. Не двигаться, сказала! Не хватало мне трупов в моей новой квартире!

МОЛЧАНИЕ.

(Шепотом.) Слушайте, слушайте! Она скользит по паркету и её должно быть слышно!

МИША. *(Шепотом.)* Я пойду, я посмотрю, не бойтесь, у меня большой опыт общения с домашними животными...

НИНА. *(Шепотом.)* Миша, не двигайся, она тебя первого съест, тебя все животные ненавидят, ты же знаешь! Не геройничай!

МОЛЧАНИЕ.

МИША. *(Шепотом.)* Ниночка, ты же сказала, что он не ядовитый, я справлюсь...

ЗИНА. *(Сдавила руки Нины и Миши.)* Ниночка, Ниночка, заколебал ты меня уже со своей Ниночкой! А Ниночке кто сказал, ну?!

МИША. Бобик, кто тебе сказал, что не ядовитый?

ЗИНА. Бобику твоему я сказала, а я знаю лучше вас - ядовитая она или нет! Молчать!!! Не двигаться!!!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. То есть, я не поняла? Ты же вчера принесла клетку, поставила, сказала: не бойся, это не из опасного семейства, ничего страшного, для престижа важно... Ты же сама сказала, Зина?!!!

ЗИНА. Да закрой ты своё шлёпало, тебе сказала, ну?!

НИНА. Почему же ты ему не разрешаешь сходить, посмотреть, ну, говори?! Он же мужчина, пусть сходит, схватит её, почему же ты Мише не разрешаешь, говори, ну?!

ЗИНА. Зафакала ты меня со своим Мишей! Какой на фиг Миша, тут полк сапёров вызывать надо! Принесите мне телефон! Нет! Не двигаться!!!

МИША. А сапёров-то зачем?

ЗИНА. Тише!!! Молчать!! Тишину слушайте!

МОЛЧАНИЕ.

Продавец на птичьем рынке сказал, что придёт и вырвет ей клыки, когда она подрастёт, дал телефон свой, сказал, что сейчас ей нельзя вырывать, породу можно испортить, она же расплождаться должна, а пока молодая...

НИНА. Какая же молодая, она метра три длиной была...

ЗИНА. Молчать!!! Не двигаться!!! Всем оставаться на своих местах!!!

МИША. Как же на своих местах, мы в ботинках залезли на постель... В смысле, шлёпанцы надо скинуть...

ЗИНА. Да закройте вы рты, уроды чертовы!!! Вы не поняли ещё, что она такая ядовитая, что ядовитее нету!!!!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. *(Шепотом.)* Миша, слышал? И она меня с таким чудовищем оставила, а сама уехала спокойненько Новый Год за бугром встречать?! Ты же сказала мне, что это нестрашный наетый уж из Амазонки, дала денег и сказала, чтоб я его, как проснётся если, кормила бы белыми мышами, ты сказала - обязательно белыми, так?! *(Плачет.)* Мишенька, она хотела, чтобы он меня съел, обглодал мои косточки! Господи! Ты ж сказала мне, Зина, что он две недели до твоего приезда будет спать, а как если проснётся, мышку слопаёт и снова на бок, так?!

ЗИНА. Молчать, сказала, гадский папа, молчать!!! Он где-то тут ползает!!!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. *(Плачет.)* Миша, ты видишь это чудовище?!

МИША. Нет, не вижу, но я чувствую, что оно где-то тут...

НИНА. Нет, ты посмотри на неё, на Зинку, на это чудовище! И с ней я спала валетом полгода?! Эта змея съест сейчас и меня, и тебя! Зачем же ты наврала, Зина?!

ЗИНА. Я не наврала, а успокоила тебя, чтоб ты не колыхалась, пока меня не будет, дура ты такая!

НИНА. Миша, ты слышишь?!

МИША. Нет, я пока ничего не слышу, он не двигается, кажется!

НИНА. *(Плачет.)* Мамочка моя!

МОЛЧАНИЕ.

МИША. А вдруг она тут, в кровати, в постельном белье, где-то залезла и сидит?!

ЗИНА. Принесите мне телефон!!!

НИНА. Не двигайся, Миша, ни с места для неё, паразитки такой...

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Она, наверное, давно уже уползла. В унитаз. Там вода и там она как дома, в Амазонке, и она, наверное, уже давно где-то в другой квартире из унитаза вылезла...

НИНА. Там дверь в туалет на щеколду закрыта была. Я сама закрывала!

ЗИНА. Заткнись, идиотка!

НИНА. Сама идиотка! Ещё обзывается! Ты виновата во всём!

ЗИНА. Ты доквакаешься у меня! Я так вдуну, что пальцы ног растопырятся! Кто последний был в туалете?! Вы уверены все, что дверь на щеколде?

НИНА. Ещё и обзывается! Уверены! На все сто! Сама дура! Но, даже если и открыта, то там над унитазом крышка сверху, а у неё, или у него ли, нету рук, чтобы крышку открыть!

МИША. Да, да, нету, закон природы...

ЗИНА. Дак она могла бочком, бочком и внутрь залезть?

НИНА. Каким бочком? Как ты себе это практически представляешь?!

ЗИНА. Надо всегда держать крышку открытой!

НИНА. Говори это своей новой домработнице, пусть она и держит!

ЗИНА. Тише вы оба, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

(Шепотом.) Господи, чего же я радуюсь, если она в унитаз, в батискаф уползёт?! Она ведь стоит как две этих квартиры, я же на неё столько бухнула, она же - две моих ходки в Малайзию, пиши пропало мои денежки, если она по канализации сейчас ползёт...

НИНА. Да, да, я вспомнила: кажется, открыты - и дверь, и унитаз...

ЗИНА. *(Шепотом.)* Иди быстрее, закрой!!!

НИНА. Бегу для тебя, столбы сшибаю!!!

МИША. Тиш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ше-е-е-е!!!!

Женщины вздрогнули, ещё сильнее вцепились друг в друга, молчат. Большая пауза. За окном машины едут, детские голоса во дворе - дети с горки катаются. И снежинки всё падают и падают пухом...

ЗИНА. *(Шепотом.)* Принесите же мне телефон, твари!

НИНА. *(Шепотом.)* Неси сама, тут тебе нету домработниц! Я тут такая заложница твоей дури, как и ты сама, как в кино!

ЗИНА. Кто мне принесёт телефон?!

МИША. Я?

НИНА. Ни с места! Миша, прижмись ко мне крепче, держись за меня, ты никуда не пойдёшь? Если меня сейчас эта змеюка укусит - а он хочет, чтобы меня змеюка укусила, вот эта змеюка хочет этого, - так вот, если укусит, то тогда в газетах напишут: "Дура одна нашла в средней полосе России змею амазонскую и от её укуса умерла!" Да все с хохоту надо мной умрут? И в общаге будет в фойе или на кухне стоять среди газовых плит и детских колясок мой маленький гробик, а комендант общежития будет надо мной речь надгробную говорить, так?! Не двигайся, Миша, и не слушай её, я нашла тебя, моё счастье, и тут же кто-то хочет отнять тебя у меня - не дамся!!! А ты заткнись, торгашка, воровка чертова!!! Молчать или я тебя сама укушу!!!

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(Держит Нину и Мишу, плачет, шепчет.)* Миша, вы же мужчина! Вы же наш энергоназор! Вы же старший по дому, в конце концов! Вы же должны помочь!

НИНА. А-а, сразу: “Миша, Миша”! А кто его называл бухенвальдским крепышом, а?! Миша, не слушай её, она подмазывается! Давай, залезем под одеяло, будем там сидеть, не так страшно будет!

Нина и Миша, с трудом отцепившись от Зины, скинули обувь на пол. Нина прощупала ногой постель, потом залезла под одеяло, за руку втащила туда к себе Мишу. Легли парой, только головы выглядывают. Молчат. Зина стоит, растопырив руки, озирается, плачет, слёзы не вытирает.

МИША. *(Нерешительно.)* А может, и правда - телефон...

НИНА. Не двигайся! Лежи!!!

Зина затравленно озирается.

ЗИНА. Телефон!!! Телефон!!!...

МОЛЧАНИЕ. Зина решила, скинула тапки, тоже залезла остороженько под одеяло, но с другой стороны. Накрылась одеялом до горла, вертит головой туда-сюда. Молчат.

(Шепотом.) В углу?!!! Шипит?!!!

МИША. *(Шепотом.)* Это в батарее вода булькает... *(Нине.)* Барбосик, я рядом, не дрожи так...

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Ну, принесите же мне телефон... *(Плачет.)*

НИНА. Что ты к этому телефону привязалась?

ЗИНА. Я в зоопарк позвоню, в милицию, в “скорую”, пожарку, ремонт канализаций, вы чего развалились-то тут, а?! У меня самолёт, у меня куча дел...

НИНА. А у нас нету дел. А у нас завтра - Новый Год. Мы своё отработали уже. А в зоопарке, чтоб ты знала, сейчас и люди, и звери пластом лежат, наевые и напитеые. Крокодил в шампанском плавает. Люди, как звери, звери, как люди...

ЗИНА. *(Шепотом.)* Закрой поддувало, юмористка! *(Пауза.)* Он уполз. Его в комнате нету. Это определённо с четырьмя “эн” и однозначно с четырьмя “чэ”... Он бы шевелился и мы бы слышали...

НИНА. Он, может, под кроватью затаился и ждёт, чтобы выбраться и напасть. Так, Миша? Тем более, что у них сейчас там, в Амазонии, сейчас там не зима, а лето, период половой активности и прочего, он жрать хочет, так, Миша?

МИША. Да, лето, да, активности...

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Убери свой бампер, развалилась на моей кровати! Фильтруй базар! Какой активности! Ты хочешь, чтобы я угорела и чтоб мой билет пропал, накрылся зеленым веником, так?

НИНА. Поезжай. Не держим. Так, Миша?

МОЛЧАНИЕ.

МИША. *(Шепотом.)* Мы тут под одеялом в безопасности. Нам надо лежать, не двигаться, прижиматься друг к другу крепче и смотреть по эту, и по ту сторону кровати и, как только она вылезет, я её поймаю - одеяло вот так на неё накинута и всё. Я юркий, вёрткий, я сумею. Прижмитесь крепче. И молчите.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(В ужасе, шепотом.)* Там... там... под одеялом что-то шевелится...

МИША. Что?

ЗИНА. Это вот... там... это?!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Это моя нога. Мой палец... Ну, а куда мне его ещё?

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(Натянула одеяло до горла, смотрит в потолок, плачет.)* Суконцы вонючие... Запёрлись в одежде на кровать, в обуви, бельё на постели фээргэшное, а они...

НИНА. *(Шепотом.)* Два образования, пять дипломов, сама ты серия “Уральская библиотека”, порет мне тут: “Одежда, обувь, ризетка, звонит, пальцами, стиральная машина!”, позорница необразованная, торгашка! *(Зина плачет, смотрит в потолок.)* Мишенька, не забирай одеяльце всё к себе, а то мне холодно сбоку: дует и страшно...

МИША. А разве я забираю? Ах, неприятность!

ЗИНА. *(Плачет.)* Боже, где я?! Почему я тут?! Мне надо в Малайзии быть, а я тут, в постели с бичуганом из энергоннадзора и со своей домработницей! Боженька мой, за что?! И они лежат тут и меня же оскорбляют всяко по-разному, как хотят, ну, за что я такая несчастная, невезучая, за что?!

НИНА. Не ной. Иди, выйди, слезай, улетай, поезжай. Выйди. Он как кинется на тебя, как закусит, как съест... Так, Мишенька?

ЗИНА. Что ты привязалась к нему: “Мишенька, Мишенька”?! Я вот как пхну тебя ногой, на пол свалишься, дура ты такая, срань пучешарая!!!

НИНА. Сама срань пучешарая, тропическая!!!

МИША. *(Вдруг негромко, но гулко сказал:)* А-а-аммм-м-м!!!!

МОЛЧАНИЕ. Женщины вжались в постель, не двигаются.

ЗИНА. *(Шепотом.)* Это что было?! Что?!

МИША. Ничего.

ЗИНА. Нет, что это такое было, ну?! Что?!

НИНА. *(Помолчала.)* Мишенька сделал “ам”.

ЗИНА. Кому?!

НИНА. Никому.

ЗИНА. Какой - “ам”?!

НИНА. Просто “ам” да и всё. Ам, ам, ам, ам, ам.

ЗИНА. Заткнись!!!

МИША. Девушки, пожалуйста, лежите под одеялом крепче друг к другу, чтобы змея между нами не проползла, чтобы мы знали, где линия фронта, с какой стороны её ждать и, как только она объявится, зашебуршит, зашевелится, мы её - хватя! - и возьмём, и это... заберём.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(Плачет.)* Мама, мама, мама...

НИНА. Вспомнила маму, надо же...

ЗИНА. За что я такая несчастная, мама, мама, мама... Тыщу раз говорю тебе: захлопни пасть, что вы тут развалились оба, оба сволочи, мне на самолёт надо, на самолёт!!!

МИША. Девушки, прижмитесь ко мне крепче, молчите, слушайте тишину, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(Ноем.)* Самолёт, самолёт, самолёт...

МИША. *(Вздыхнул.)* Бедному Ванюшке жениться - так и ночь коротка...

ЗИНА. К чему вы это?

МИША. Так. Вспомнил. Мамина поговорка. Нам надо молчать. Кто знает её повадки? Никто. А вдруг она на людские голоса реагирует, откликается, в стойку встаёт, да, в стойку. Я большой специалист по общению с домашними животными, но даже я не все

кошечки, две дурочки, бегали как чёкнутые от счастья, что ёлка, что Новый Год, а потом залезали под одеяло, - ну, строили такой шалашик из одеяла, и у нас был фонарик: длинный такой, китайский, с тремя круглыми батарейками, - мы залезали под одеяло в шалашик, брали наших кукол и там в духоте сидели и смеялись! Было душно, жарко, страшно, но так интересно, такой другой мир! *(Молчит.)* Надо же. Никогда в жизни про это не вспоминала, а вот сейчас - вдруг... А? *(Хихикнула.)* Миша, давай, сделаем шалашик тут, прямо сейчас?

Смеются оба. Зина рычит.

ЗИНА. Заткнись, уроды чертовы! Шалашик, фонарик, ёлочка! Я покажу вам вот сейчас шалашик, спихну обоих на пол с постели, змеюге в пасть! Ты, змеина, заткнись! Слушайте все змею!

НИНА. Мы тебя внимательнейшим образом слушаем, Зина.

ЗИНА. Ты допоткаливаешься, ты допросишься, подруга! Это моя кровать, моя квартира, моя змея, молчать!!!!

МОЛЧАНИЕ. Лежат, не двигаются. Миша снова вздохнул протяжно. Зина ворочается.

Слушайте, я не вынесу этого, он как слон, как бегемот вздыхает тут, пыхтит, а она у него под боком пригрелась, змея, хватит, я пошла, я встану, всё!

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Ну, вставай, чего же ты? *(Хихикнула.)*

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Имейте в виду, энергондзор, что вы лежите на моей кровати со мной тут только потому, что обстоятельства так складываются, иначе я бы ни за что не позволила и не потерпела бы вашего драного носка и вонючих ног у моего носа!!!

НИНА. Зина, не ври и не завидуй. Ноги у Миши не вонючие, а носки я заштопаю! Ты сама постоянно ходишь в драных колготках, ну что?

ЗИНА. Кто завидует?!

НИНА. Ты завидуешь!

ЗИНА. Чему я должна завидовать?!

НИНА. Сама знаешь! Барбосик, не слушай её.

МИША. Девушки, пожалуйста, не двигайтесь! Она может быть где угодно! Ведь стало совсем темно и мы не можем ориентироваться, следить за ней! У меня есть предложение, деловое! Давайте, и правда, накроемся шалашиком, от змеи, чтоб она нас не заметила, так будет безопаснее!

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. По-моему, мне предлагают групповуху. То есть, вы хотите сказать, вы оба пять к этому готовы, уши вымыты, гадский папа, так?!

МИША. Ах!!!

ЗИНА. Хватит вздыхать динозавром призывно! *(Кашляет.)* Господи, у меня горло уже першит, я не могу больше шептать, у меня горло село, понимаете?!

МИША. Ах!!!

ЗИНА. Да что, что, что, что?! Ну?!

МИША. *(Молчит.)* Нет, ничего. Так просто. Так.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Что вы там делаете?! Ну?!

НИНА. Где?

ЗИНА. Под одеялом?!

МИША. Мы ничего не делаем.

ЗИНА. Вы там всё время чем-то шевелите!

НИНА. Ничем мы не шевелим.

МИША. Мы просто используем с Ниночкой возможность.

НИНА. Не надо, Мишенька, не рассказывай ей, она не поймёт.

ЗИНА. Пойму! Какую возможность, ну?!

МИША. Возможность нашей взаимной близости, так сказать. Используем то, что мы рядом, близко, так сказать...

ЗИНА. Гадский папа, что вы там под одеялом делаете?!

НИНА. Мы просто сплетаем и расплетаем руки. Сплетаем и расплетаем. Сплетаем и расплетаем.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Во, зафигачивают, а?! В моей постели! Чем в шляпе, тем нахальнее, называется! Энергонадзор, вы же на работе!!! Уберите друг от друга заготовки, не тяните друг к другу корявые веточки, присоски ваши, ну?! Не пугайте меня, я уже и так на взводе, взорвусь сейчас, ну?! Зачем вы их сплетаете и расплетаете?!

НИНА. Просто так. Это романтично.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Боженька?! Где я?! Где?!

НИНА. Сама сказала - на Синайской горе. Лежи и не трепыхайся.

МИША. Да, пожалуйста, тише: слушаемте тишину.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. *(Повернулась на бок.)* Может, я мешаю вам? Может, мне вообще уйти?

НИНА. Куда ты пойдёшь? Останься. Втроём нам будет веселее. Правда, Миша? *(Зина ворочается.)* Что ты ворочаешься?!

ЗИНА. Не шипи, как змея! Говори нормально, человеческим голосом! Хватит меня пугать, гадский папа!

НИНА. А если она услышит?!

ЗИНА. Если бы она услышала, она давно бы кинулась бы и сожрала бы тебя с потрохами! *(Кашляет.)* Господи, да что вы там под одеялом делаете?!

НИНА. Ничего. Просто сплетаем и расплетаем руки. У нас любовь. Правда, Миша?

ЗИНА. Заткни поддувало, хватит! Не смей мне тут говорить: сплетаем-расплетаем! Я сразу о змеях думаю! Как они сплетаются и расплетаются! В клубки! Энергонадзор, не дышите мне в пятку, щекотно, ну?!!!

МИША. Ах, виноват, извините! Темно, всё близко, и я ничего не разбираю: где ноги, где руки, где пятки... Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!!!! Ой! Ах, ах, ах, ах, ах, ах!!!!

ЗИНА. Да Боже ж ты мой!!!! Энергонадзор чувствует себя баем в гареме и вздыхает, как сто слонов в брачный период! Хватит вам! Прекратите, сказала оба! Так. Всё. Подъём. Встали все. Быстро. Ну?! Подъём, говорю! Включайте свет, энергонадзор. Она давно уже подползает по канализации к Африке. Плакали мои денежки...

НИНА. Лежи!

Зина вздохнула, легла, не двигается, смотрит в потолок.

МИША. А вдруг она вылезла в моей квартире, а?! *(Смеётся.)* Вот было бы интересно посмотреть, что сделают моя соседка и кот!

НИНА. Наверняка, они будут радоваться! *(Хихикает.)*

ЗИНА. Просто прыгать до потолка. Ну и злюки вы оба. Всё, я пошла.

НИНА. Лежи!

МИША. Тише! Там кто-то в углу!

Зина посмотрела на часы, легла, плачет.

ЗИНА. Да, энергонадзор, вы правы. Там кто-то в углу. Что-то чёрненькое там в углу белеется, охо-хо. Поздно. Называется: от винта. *(Молчат.)* Миша, как вас по отчеству?

НИНА и МИША. Григорьевич!

ЗИНА. Ну да, Григорич. Уберите ногу, Михаил Григорич. “Ногу, Зорька!” - моя бабушка говорила корове, когда её доила. Поздно. Ногу, Михаил Григорич. А ты - убери бампер. Сто раз сказала. А у вас, Михаил Григорич, костлявые коленки, острые сильно, я вся в синяках завтра буду. Вы как рыбий, обглоданный кошками, скелет, не кормят вас дома? Господи, ну скажи ты мне, за что я такая несчастная?!

НИНА. Что ты командуешь? Что ж ему и мне теперь - вдвое сложиться теперь из-за тебя? Ты не одна тут. Надо было купить кровать поширше.

ЗИНА. *(Рыдает.)* Отстаньте от меня! Поширше! Я же не могла предполагать, что буду на своей кровати на старости лет “ля мур дэ труа” бацать!

МИША. Вы совсем не старая, Зинаидочка...

ЗИНА. Ах, Миша, Михал Григорич, добрая душа, лягте на моё место, а я туда, на ваше, поменяемся, чтоб вы не сплетались и не расплетались бы, а то у меня уже нет сил терпеть это шевеление под одеялом, пожалуйста, прошу вас, а? Меня всю колотит просто!

НИНА. Ясный перец, колотит. Поменяйся, Миша.

МИША. А разве я против? Пожалуйста!

Поменялись с Зиной местами. Теперь Нина и Зина рядом, а Миша - с другой стороны, у них в ногах. Поворочались, устроились, молчат, смотрят в зеркала на потолке, вздыхают все трое.

ЗИНА. *(Плачет.)* Ну зачем, зачем я их прибила на потолок, дура?! Невозможно же видеть это, как мы втроем возлежим на ложе, зачем, ну?!

НИНА. Сама говорила - для сексу.

ЗИНА. *(Плачет.)* Заткнись! Хватит!

НИНА. И совсем даже ноги не пахнут, с чего ты взяла?

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Ах!!!

ЗИНА. Ну, а теперь-то вы чего вздыхаете, чего, ну?!

МИША. Так просто. *(Пауза.)* Хорошо лежим.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Не слышите её? Нет?

МИША. Нет.

НИНА. Нет.

ЗИНА. И я нет. *(Помолчала.)* Я хочу курить. Где мой портсигар?

НИНА. Тут, на тумбочке.

Зина щёлкнула зажигалкой, осветила лицо. Прикурила, лежит, смотрит в потолок.

ЗИНА. Прямо как в анекдоте: просыпается девица рано утром, с бадуна, смотрит, а вокруг неё на постели три мужика голых спят. Девица закурила и говорит: “Ах, видела бы моя мама, что я курю!”... Вот так и я.

Нина хихикнула. Миша тоже. Молчат.

МИША. А я - не курящий, а так люблю сигаретный дым. Отец у меня курил “Приму”. Мать почему-то его за курево хвалила и говорила: “Кури, кури - моли не будет...” Я вот не курю и моли в комнате полным-полно... Может, начать?

ЗИНА. Михал Григорич, знаете, что у вас есть хобби?

МИША. Хобби, у меня? Да, есть...

ЗИНА. А знаете, какое?

МИША. Какое?

ЗИНА. Ваше хобби - любите поговорить. Так? Так. Без конца при чём. И о чём угодно.

МИША. Я буду молчать.

ЗИНА. Нет, говорите, что же теперь делать в такой ситуёвине.

МИША. Нет, я не буду.

ЗИНА. Ах, перестаньте!

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Странно, вы тоже стали говорить “ах”, как и я. Да, Ниночка? Скажи?

ЗИНА. Скажи, да покажи, да дай потрогать. Дурной пример заразителен. Я восприимчива и переимчива - с тремя “и”. Ну, говорите?

МИША. Что говорить?

ЗИНА. Да что хотите говорите, не лежать же так молчки, как пни на лесоповале. Говорите, рассказывайте, не молчите, ну?

МОЛЧАНИЕ.

МИША. Хорошо. *(Вздыхнул, улыбнулся.)* Дайте мне на секундочку ваш портсигар.

ЗИНА. Берите. Китай. *(Протянула портсигар Мише.)*

МИША. *(Сел на кровати, вертит портсигар в руках, улыбается.)* Вот вы сейчас взяли его в руки, подали мне, а у меня в голове возник сразу целый монолог, огромная история о портсигаре! Вы видите, крышка у него такая гладкая, чистая, что даже сейчас, в полумраке, она отражает свет - какой-то свет! печали свет? - откуда он падает? - это и из окна, от фонаря, который там, на улице, в темноте качается, - и от зеркал, которые на потолке, - и от огоньков ёлки, да и ёлочка сама блестит - серебряная пластмасса! - и вот крышка портсигара вбирает в себя весь этот крохотный, почти несуществующий свет, аккумулирует его в себе - ах, как я люблю электричество и всё, что с ним связано! - Боже мой, у меня сегодня первый раз в жизни прогул! *(Смеётся.)* - и вот крышка портсигара вбирает, аккумулирует этот свет и вы видите: она выдаёт, начинает излучать свой собственный свет; если в темноте чуть-чуть повернуть портсигар, открыв крышку, то он начинает вдруг светиться...

ЗИНА. Бликовать...

НИНА. Сверкать...

МИША. Да, да! Светить, блестеть, сиять, бликовать, светиться, отражать, гореть и “зайчик” от него прыгает по потолку, свет снова возвращается в зеркала, потом на окно и на улицу, потом на ёлочку, и вот теперь - на ваше лицо, Зина! Вы видите, видите?! Весь этот крохотный свет, что вокруг нас есть и был, из всех предметов, собравшись на крышку портсигара, перешёл, встал, вошёл в ваше лицо, в ваши глаза и остался там, в нём - поразительный фокус!

НИНА. А мне? Я тоже хочу!

МИША. А теперь - в ваше лицо и в ваши глаза, Нина, и теперь в ваших глазах останется этот печальный свет... *(Пауза.)* Как мне нравится это тихое переползание света с лица на лицо, из глаз в глаза, а вот теперь - свет в моих глазах, на моём лице, видите, видите?! Этот свет как-то соединил нас всех вместе, троих, но он, соединяя нас, оставил и черточку печали во всех нас, в каждом нашем лице, в наших общих глазах, понимаете?!

МОЛЧАНИЕ.

Странно, правда?

НИНА. Что?

МИША. То, что я рассказываю - странно и глупо.

ЗИНА. *(Вытерла слёзы.)* Заберите его, дарю, мне не надо...

МИША. Правда? Можно?! *(Вертит портсигар в руках, смеётся тихонько.)* Спасибо. Я возьму. Не буду по русской привычке отказываться. Какой чудесный портсигар. Какой чудесный портсигар! Теперь он мой! *(Тихо смеётся.)* Он делает свет и тени. Тени и свет. Дома на моей кровати я буду играть по вечерам лучиком портсигара. Свет его будет ползать по моим стенкам, по окну, по моему лицу, глазам, по старому креслу, по люстре. Я соберу весь печальный свет, который будет в полумраке моей комнаты, а потом направлю себе в лицо и буду плакать...

НИНА. *(Плачет.)* Миша! Мы вдвоём будем плакать, ты забыл?! Или передумал?!

МИША. Вдвоём! Обязательно вдвоём! Нельзя ни на минуту разнимать рук, если любишь. С любимыми не расставайтесь. Да, да.

ЗИНА. А я? А меня?! Я тоже хочу сидеть на вашей постели и играть портсигаром! А меня! Меня забыли?! А я?!

МИША. Нет, нет, не забыли! Дайте вашу руку, Зиночка! Вот так...

Сидят на кровати, соединив руки. Молчат. Миша подержал руки женщин, отпустил, все трое вздохнули, снова легли, забрались под одеяло.

Итак, о портсигаре. Я ещё не всё рассказал. Я очень люблю мужские штучки. Как бы это точнее сказать, есть такие мужские штучки, которые мне всегда нравились, но которые я никогда не мог иметь из-за недостатка средств. Эти мужские штучки не являются украшательством, украшением, бабством в плохом смысле слова, нет! Но без них современный мужчина, как я его представляю, не может привлекательно выглядеть, да и вообще - существовать, потому что мужчине, должно быть, так приятно иметь, скажем, красивый портсигар! Есть из кожи ещё, из серебра, в витрине однажды я видел золотые даже... Или, скажем, запонки; есть разные, даже с бриллиантами! - они так посверкивают, когда мужчина поднимает руки, ослепляют незнакомых и знакомых дам! - и в запонках, в их сиянии, блеске, сверкании, свечении есть что-то таинственное! Или вот есть красивые зажигалки; с колёсиком, с кнопкой. А часы?! Сколько разных часов! На цепочке, с браслетом, кулончиком... Знаете, есть маленькая удача мне в том, что я такой огрызок, лилипут...

НИНА. Ты не огрызок и не лилипут! Миша, не надо!

ЗИНА. Миша, вы всё ещё обижаетесь? Мне стыдно, что я так сказала!

МИША. Ну, хорошо; в моём маленьком росте есть и своё преимущество, маленькое достоинство и знаете в чём: дело в том, что когда я хожу по улице, то я близко к земле и всегда нахожу на асфальте разные вещи; зажигалки, старые зонты - ах, бывают с изогнутой ручкой! - кошельки; обычно пустые, но из кожи, с застёжкой, красивые! - а ещё мундштуки, щипчики, ножнички - ах, у меня вся квартира этим завалена! - многое, правда, негодно к употреблению, сломано, раздавлено, испорчено, но как приятно всё же иметь всё это дома, я не только мужские потери нахожу, но и женские; заколки, пуговицы, шпильки, сумочки, дешёвые кольца, браслетики из проволоки, - ах, вы не представляете, как приятно это всё рассматривать, закрывшись от соседки, чтобы не дай Бог, не вошла бы за своим котом и не увидела бы меня за этим занятием - рассматриванием найденного! - не подумала бы, что я - свихнутый, хотя - свихнутый, конечно же, клептоман или как это там называется - не помню. Нехороший человек я. Признаюсь - нехороший. Я никогда не отношу найденное в стол находок, потому что уверен, что люди, потеряв что-то, прощаются сразу же, навсегда прощаются с потерянным, и сразу же забывают об этих вещах, никогда не ищут их, и в комиссионку я их не отношу, не могу продавать чужое, а просто любуюсь, рассматриваю всё это и радуюсь, что я - такой маленький и нахожу благодаря моему росту такие замечательные вещи! Всё разложено у меня по столам, по полочкам, зонты по стенам развешены, но это только на ночь, на ночь! - чтоб соседка не

увидела, и вот я ложусь среди этого множества вещей, которые мне и не мне принадлежат, и смотрю, как зонты и зажигалки мои блестят в темноте - ах, как это красиво!

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Когда вы позовёте в гости?

МИША. Как только прибуду на потолок зеркала, как у вас в вашей квартире! Накоплю денег, куплю зеркала и приколочу их туда! Я и не мог подумать, что это так красиво, и вот когда увидел это в вашей квартире...

ЗИНА. *(Хлюпает носом.)* Я ненавижу мою квартиру!

МИША. Перестаньте, не нервничайте из-за этого чертова самолёта - поздно. Знаете, мы жили в комнате с мамой и папой. У папы была машина - грузовик. Я помню даже до сих пор её номер: 41-89 КЩВ. Папа приезжал к дому, ставил грузовик под окнами во дворе, садился обедать и машина на час принадлежала мне! Да, мне! Мы с соседскими мальчишками залезали в кузов и играли в "уголки"! *(Хохочет.)* Четыре игрока занимают уголки кузова в машине, а пятый пробует занять уголок, когда эти четыре меняются местами, перебегают... *(Вытирает слёзы, улыбается.)* А в выходной день машина целый день стояла во дворе. Отец пил водку, и пел про крылья и плакал... *(Пауза.)* Простите. Я действительно болтун и даже змею заговорил своим нудным голосом. Её не видно и не слышно - не двигается...

МОЛЧАНИЕ. Женщины вытирают слёзы.

Зиночка, Ниночка, что с вами?!

ЗИНА. *(Рыдает в подушку.)* Ничего!!! Ничего!!! Ничегошеньки!!!!

НИНА. *(Рыдает.)* Ничего! Ничего! Ничего!!!

МИША. Перестаньте, пожалуйста! Нина, какой у вас повод? Никакого! Завтра Новый Год, новая жизнь! А у вас, Зина? Самолёт? Пусть летит! Даже лучше, что вы встретите Новый Год дома!

ЗИНА. Нет у меня дома!!! Змеюшник у меня есть!!! Ничего мне не надо! Что - дом?! Четыре стенки?! Я одна, одна, понимаете?! Где я такого найду, как вы, Михаил Григорьевич?! Чтоб мне так по вечерам говорил бы, рассказывал про жизнь, про всё вокруг, про портсигар вон, где, ну?!

НИНА. Не плачь, Зина, перестань! *(Рыдают обе.)*

МИША. Вы ещё найдёте себе хорошего мужа!

ЗИНА. *(Села на кровати, закурила снова.)* Какого?! Этих?! Как мои дружбаны?! Или какого-то другого? Где?! Вы выйдите на улицу, посмотрите, посмотрите вокруг, на прохожих: ведь не на кого же глаз положить, не на кого, ведь не лица у всех кругом, а рыла, сплошные рыла вокруг кругом, не так?! Вы в них только взгляните, в тех, кто мимо вас бежит, посмотрите внимательнее, ну?! Я по радио слышала, что есть такое мнение, гипотеза, что ли, научно не доказанное мнение, что миллион лет назад человек - вывернулся. Ну да. То есть, раньше у людей всё, что сейчас снаружи - внутри было. А потом человек свернулся и вот то, что у нас на лице на нашем есть - это и есть наша душа. А другая душа - ушла в тело, внутрь. Поняли? И вот те рыла, что вы видите вокруг, на улице есть - это и есть их души. Понятно? А дружбаны, докладываю как энергонadzору, - ворьё, идиоты и рыла позорные. Один меня всё таскал на фильмы со Шварцнегером и Ван Даммом. Потом один раз по пьяни признался: "Завожу, говорит, тебя, Нинок, хочу с тобой переспать. Потому как, говорит, в этой демонстрации мускулов хотя и есть что-то педерастическое, но ты даже не представляешь, Зинок, как классно после таких фильмов с бабами трахаться!" Извиняюсь, но это я его - цитирую, гада. Понятно, нет? То есть, иди в кино, любуйся на настоящего мужика, а потом дома свет туши в постели, глаза замуривай с ним, с этим рылом. Ай, да что рассказывать вам, Михаил Григорьевич. Выйдите на улку, да поглядите. И на мужиков, и на баб. Туды-сюды годы свои раскидала, а

такого вот как в кино всё нету и нету, одни медузы кругом, квашни, слизняки. А я уже и старпень, уже и сороковник разменяла, уже и никому и не нужна...

НИНА. *(Плачет.)* Зина, не надо, перестань...

Все трое плачут. Смотрят в потолок.

МИША. *(Провёл пальцем по своему лицу.)* У меня ужасная душа...

ЗИНА. Самая страшная душа среди вас - я.

НИНА. Некрасивее меня среди вас - нету. Страшнее меня только моя жизнь.

Рыдают. Смотрят в потолок.

ЗИНА. Только теперь я поняла, что я сделала не случайно эти зеркала! Это меня Бог надоумил! Чтоб я каждую ночь на свою безобразную душеньку глядела бы!

НИНА. Почему я такая уродина?!

МИША. Зиночка, Ниночка, вы обе красавицы! Мы найдём вам мужиков! О, горе! В смысле, мы так хорошо, спокойно лежали, перестаньте, не разрушайте тишину, успокойтесь! А где наша змея, а где, а где? А ну послушайте её, где она, где она, она где-то тут ползает, а где она...

ЗИНА. Она по канализации фекалии рассекает, забудьте её! А мы вот, лежим, тут, трио бандуристов...

В ванной грохот. Все замерли.

ЗИНА. *(Перепуганно.)* Что?!

По полу коридора что-то скачет. МОЛЧАНИЕ.

Кто скачет там?!

МИША. Кто скачет, кто мчится в ночной тишине...

НИНА. Это колготки порвались.

ЗИНА. Какие колготки?

НИНА. В которые ты лук на зиму насовала.

ЗИНА. Я приказала, а ты совала. Это были крепкие, почти целые, английские колготки. Как они могли порваться?

МИША. Зиночка, Ниночка, не двигайтесь, не дышите, я понял! Это змей! Он захотел покушать, увидел на стенке человеческое туловище, полез к нему, начал есть туловище, проел дырку, лук начал сыпать и убил его! Ура! Конец! Ещё полчаса полежим так и можем вставать!

МОЛЧАНИЕ. Зина и Нина хохочут. Пауза.

ЗИНА. Какой бред вы мелете, Миша. Совсем не в жилу. И не смешно. *(Хохочет.)* Если он ползает по ванной, то надо, правда, дверь захлопнуть, вызвать милицию и так далее. *(Пауза.)* Впрочем, чёрт с ним. Пусть ползает, где его душенька длинная скользкая хочет. Всё равно. *(Накрылась одеялом, молчит.)*

НИНА. *(Вздыхнула.)* Я тоже думаю: чёрт с ним.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Впрочем, не так уж и плохо в моей квартире. Зараза, я вымазала тушью моё фээргэшное бельё.

НИНА. Есть специальные порошки, отстираем.

ЗИНА. Да, не так уж и плохо. *(Легла на бок, устроилась поудобнее.)* Свет этот маленький тут, тепло, уютно, чисто. Зеркала, правда, эти чёртовы оторву завтра же и подарю вам, Михаил Григорьевич, на Новый Год. Очень мне нравится в моей квартире, да, да! Михаил Григорьевич, рассказывайте про вашу: она такая же по метражу, окно, антресоли, да?

НИНА. И мне интересно.

МИША. Мы можем сейчас подняться и сходить ко мне - это три минуты.

ЗИНА. Нет, будем лежать. Нужно всё довести до логического, так сказать, конца. Мне интересно, что будет дальше. Ну, рассказывайте, как ваша комната выглядит, о чём вы думаете, лёжа по ночам на кровати, ну?

МИША. *(Улыбается.)* О чём я думаю? *(Молчит.)* Милые, милые Зиночка и Ниночка! О чём может думать одинокий уставший стареющий мужчина, лёжа по ночам на своей коротенькой - как раз по его росту - постельке? О том же, о чём, наверное, и вы, Зиночка и Ниночка. Лежу и думаю: зачем всё? для чего всё? почему всё так, а не так? где цель? почему для всех - и больших, и маленьких - одинаковый исход, конец?... А в последнее время стало ещё страшнее: я просыпаюсь ночью и не помню ничего - кто я, где я, что я, почему я. Это состояние продолжается двадцать секунд, пока на меня не навалится весь груз прошедшего, прошлого, прожитого, но в начале, когда откроешь глаза и не знаешь - кто ты и зачем ты, в начале, когда ты как новорожденный, когда не знаешь ни своего возраста, не знаешь себя - ни разу в зеркало не видел, не знаешь своих знакомых, не знаешь улиц, по которым ты ходил столько лет, не знаешь листьев, воды, солнца, моря, неба, воздуха, не знаешь горя и радости - не знаешь ничего: в эти двадцать секунд так сладко и так страшно, девочки мои. А потом рухнет на тебя скала, войдёшь в ум, как моя мама говорила, всё вспомнишь, всю свою жизнь и станет так скучно и тоскливо - и до самого пасмурного утра, зари, не спишь, ворочаешься, и снова и снова всё время стучит в голове вопрос: зачем? для чего? почему? кто я? где я? отчего Жизнь и отчего Смерть? отчего и почему всё, всё?!

МОЛЧАНИЕ.

(Вытер слёзы.) Я никогда не был счастлив. Я не могу вспомнить дня, когда я мог себе сказать: вот, запомни этот день, ты счастлив, потом - вспоминай этот счастливый день. Ни разу не было. Вот, разве что, сегодня, сейчас... Сегодня я счастлив, да.

НИНА. И я. Сегодня. Только сегодня.

ЗИНА. А я была один раз студенткой счастлива. В техникуме. Нашла в магазине хлебом на полу двадцать копеек, купила четыре пирожка с повидлом, такие - в солидоле, - вышла из магазина, весна, с крыши капает! - укусила пирожок, повидло с другой стороны вылезло и на пальто мне капнуло, я пальцем слизнула повидло, и шла по улице, жевала пирожок и такая была счастливая - от того, что весна, что солнце, что повидло капнуло, что пирожок горячий. Вот так. *(Пауза.)* Еду в первом классе, а вспоминаю мою помойку. Колбасы в холодильнике полно, а счастья - нету. *(Молчат, вздыхают, смотрят в потолок.)*

МИША. Я так хочу колбасы.

НИНА. Я только что хотела тоже самое сказать.

ЗИНА. И я. *(Молчат, вздыхают.)*

НИНА. Я бы сходила, но я так её боюсь.

ЗИНА. Кого?

НИНА. Змеюгу эту. Змеину. Змеищу.

ЗИНА. Никакой змеюги тут давно нету. Она бы дала чем-то о себе знать. Мы лежим тут так просто потому, что нам так нравится.

НИНА. Ну дак сходить?

МИША. Никуда вы, Ниночка, не пойдёте.

НИНА. Нет, я пойду, Михаил Григорьевич, для вас!

МИША. Почему для меня?

НИНА. Потому что вы голодны и я готова для вас рисковать жизнью!

МИША. Ниночка!

Нина выскочила из-под одеяла, на цыпочках вынеслась в другую комнату, тут же прилетела назад с кастрюлей, бутылкой, чашками, ножом. Взлетела на кровать.

НИНА. Ух!

МИША. Ниночка! Как вы можете?! Это опасно!

ЗИНА. Для него она готова рисковать жизнью, а для меня - нет! Подруга, эх! *(Нина и Миша смотрят друг другу в глаза, улыбаются, держат одну тарелку вместе.)* Хвалит пялиться! Колбасу у меня шпионерили! Ну вот, я тоже хочу есть! Дайте сюда!

Вырвала из рук Нины и Миши тарелку, ест. Принялись все трое есть, разложив еду на одеяло.

НИНА. *(Вдруг.)* Ах!

МИША. Что, Ниночка?

НИНА. Я оставляла вас двоих одних.

ЗИНА. Кто?

НИНА. Я.

ЗИНА. Скажи - чайник.

НИНА. Чайник.

ЗИНА. Мой отец начальник.

НИНА. К чему ты это?

ЗИНА. К тому, что ты вылетала на одну секунду.

НИНА. Всё равно.

ЗИНА. Ах, успокойся. Михаил Григорьевич давно уже положил руку на мою ногу.

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Как положил? Это правда?

МИША. Да, кажется. Там под одеялом темно.

НИНА. Он на мою положил!

МИША. Ниночка, Зиночка, у меня две руки! Не надо ссориться. А сейчас обе руки вот, тут, на воздухе, видите? Сейчас мы едим, и даже выпьем, и я снова скажу мой знаменитый тост о женщинах - Зиночка ещё не слышала!

НИНА. Я не взяла стаканов, как же мы выпьем? Под тост надо чокаться.

ЗИНА. И так чокнулись. Выпьем из горлышка.

НИНА. Из одной бутылки все втроем?

ЗИНА. Ну и что?

НИНА. Но ведь это же почти что - поцелуй.

МОЛЧАНИЕ.

ЗИНА. Ну и очень хорошо. Что ж тут такого? Почему мы с тобой не можем поцеловаться друг с другом и с Михаилом Григорьевичем? Есть повод нам не целоваться?

НИНА. *(Молчит, ест.)* Действительно, повода нам не целоваться - нету. Давайте выпьем, поцелуемся.

Пьют по очереди из горлышка. Миша взял бутылку, прочистил горло, встал на кровати, сказал:

МИША. “Друзья мои! Есть право у седого сказать вам всем приветственное слово! ”

ЗИНА. Ну, какой же вы седой?

НИНА. Не перебивай! Мой Миша умеет произносить тосты и считает дикие суммы в голове, в уме!

ЗИНА. Мой Миша, мой Миша, заколебала! Трудит! Имей совесть хоть в моём присутствии!

МИША. Секундочку, я ещё не закончил. Итак, “приветственное слово! За наших женщин, дочерей народа, за красоту души их золотой! Пусть всё сильнее любят год от года нас! Если мы любви достойны той!...” *(Выпил, сел на кровать, ест.)*

Молчат, едят.

А теперь - споём! И хотя мне медведь на ногу, то есть - на ухо! - наступил - я запеваю! Три-четыре! "Мы едем, едем, едем в далёкие края! Счастливые соседи! Весёлая семья!..." (Нина и Зина хохочут, подпевают.) "Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём с собой кота! Чижика, собаку! Петьку-забияку! Обезьяну, попугая, вот компания какая! Вот! Компания какая!!!..." (Хохочут, хлопают в ладоши.)

МИША. А теперь, Ниночка, самое время вам показать нам ваш театр. Пионерский театр теней! Я уже видел, хотя посмотрю с удовольствием ещё раз, а вот Зиночка ещё не видела!

НИНА. Ах, нет, я не могу, я стесняюсь!

ЗИНА. Ладно, фука-ляка-бука-бьяка - вперёд.

НИНА. Скажи волшебное слово, а то не буду.

ЗИНА. Ну, пожалуйста, пожалуйста, давай, покажи, ну?

НИНА. Обещай, что не будешь смеяться?

ЗИНА. Да не буду. Обещаю. Давай!

Смеются. Нина соскочила с постели, взяла чемодан, снова забралась на кровать, поставила экран себе на колени, приспособила лампу, фигурки. Миша и Зина сидят у другой спинки кровати, жуют колбасу и хлеб, смеются. Нина включила лампу, экран осветил лица Миши и Зины.

НИНА. Готовы?

МИША и ЗИНА. Готовы!

Нина нажала кнопку магнитофона - запела скрипочка. И снова на экране мальчик и девочка целуются, руки друг к другу тянут, лебеди над ними летают, трава колеблется, солнце всходит, луна заходит, девочка машет мальчику рукой, мальчик машет девочке рукой, девочка уходит, а мальчик играет и играет на скрипочке - грустно и протяжно; и снова лебеди летают, но уже тучи на небе, солнца не видно, старуха выходит - злая и растрёпанная, тянет старуха мальчика за руку, в подземелье; девочка бежит, протягивает к мальчику руки, но - нет уже его, одна девочка осталась, плачет она горько и скрипочка плачет. Нина выключила магнитофон. Вздохнула. Убрала экран, нажала выключатель лампы. Темно стало в комнате.

НИНА. Всё. Будем спать. Михаил Григорьевич, ложитесь посерединке, чтобы никому не было бы обидно... Спать.

Легли в рядок. Молчат, смотрят в потолок.

НИНА. Спите.

ЗИНА. Спите.

МИША. Спим.

МОЛЧАНИЕ.

Ах!

НИНА. Что вы вздыхаете?

МИША. Жалко. Что всё прошло - жалко. Знаете, о чём я думаю? Я думаю о том, что когда-нибудь всё-всё-всё закончится, как и этот сегодняшний день, и мы все умрём. Понимаете?

НИНА. Понимаю.

МИША. Слышите, Зиночка? (Зина молчит.) Спит, Зиночка. Спите и вы, Ниночка.

НИНА. А вдруг она правда вылезет?

МИША. Кто?

НИНА. Змея.

МИША. А вы тоже заметили, что она там в клетке в опилки зарылась и лежит?

НИНА. Заметила. И Зина заметила. Может, закрыть клетку?

МИША. Не надо. У неё всё равно зимняя спячка началась, до весны. Я большой специалист по общению с животными. Меня и птицы клевали, и собаки кусали, и чего только со мной не было... Пусть спит змея. Спите и вы, Ниночка. Спите и вы, Зиночка. Спите, девочки. Мои дорогие девочки. Спите. А я буду ваш сон сторожить. Завтра - а завтра будет завтра. Посмотрим, что будет завтра. Другая жизнь завтра. Спите, Ниночка, спите, Зиночка, а я вам песенку спою тихохонько: “Мы едем, едем, едем в далёкие края! Счастливые соседи! Весёлая семья! Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём с собой кота! Чижика, собаку! Петьку-забияку...”

Темнота в комнате сгущается, а потом вдруг рассеивается, становится светлее: то ли от фонаря с улицы, то ли ёлочка в углу вдруг начала ярче мерцать огоньками.

Но спят все.

Тишина.

Вылезла из-под кровати змея, легла на одеяло, зевнула, ощерив клыки, свернулась в клубок и уснула. То же.

Спят все.

ТЕМНОТА

КОНЕЦ

*г. Екатеринбург,
апрель 1995 года*